

**ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БОТАНИКИ
им. В.Ф. КУПРЕВИЧА НАН БЕЛАРУСИ**

**Виктор Степанович
ГЕЛЬТМАН**

ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БОТАНИКИ им. В.Ф. КУПРЕВИЧА
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

Виктор Степанович

ГЕЛЬТМАН

Воспоминания современников

Минск
«Колорград»
2016

УДК 57(476)(092)+929 Гельтман
ББК 28г(4Беи)
Г32

Составители:

Д.Г. Груммо, А.В. Пучило, С.А. Новик, М.В. Кудин, С.Ю. Шустова,
Е.В. Моисеичик, Н.А. Зеленкевич, Н.Л. Вознячук

Научные редакторы: В.И. Парфенов, Д.В. Гельтман

Виктор Степанович Гельтман : воспоминания современников / сост.: Д.Г. Груммо [и др.] ; науч. ред. В.И. Парфенов, Д.В. Гельтман. – Мн: Колорград, 2016. – 118 с.

ISBN 978-985-7170-07-04

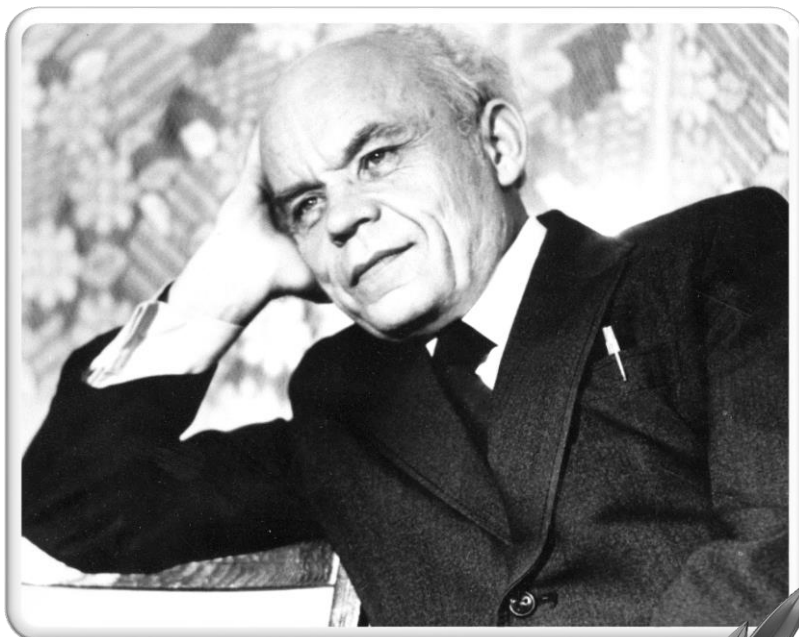
Посвящается выдающемуся ученому-биологу, геоботанику, лесоводу, лесотипологу, экологу доктору биологических наук Виктору Степановичу Гельтману. В издании представлены основные вехи его научной, научно-организационной и общественной деятельности, приводятся биографические сведения, а также воспоминания его коллег.

Предназначена для геоботаников, лесоводов, экологов, а также для интересующихся историей науки.

**УДК 57(476)(092)+929 Гельтман
ББК 28г(4Беи)**

ISBN 978-985-7170-07-04 © ГНУ «Институт экспериментальной ботаники» им. В.Ф. Купревича Национальной академии наук Беларуси», 2016
© Оформление. ЧПТУП «Колорград», 2016

Виктор Степанович Гельтман

*«Та молодежь, что вслед придет за нами,
Пусть соберется вместе в светлый час.
Нас вспомнить благодарными словами...
Нам ничего сейчас, друзья, не надо,
Нам будет этот день большой наградой,
Когда давно уже не будет нас.»*

*Я.В. Мошинская-Гельтман
(перевод В.С. Гельтмана)*

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В октябре 2016 года научная общественность отмечает 90-летие со дня рождения выдающегося ученого-биолога, признанного специалиста в области геоботаники и лесоведения, лауреата Государственной премии БССР, доктора биологических наук Виктора Степановича Гельтмана.

В судьбе В.С. Гельтмана, как в своеобразной призме, преломились роковые перипетии XX века: трагические годы репрессий и Великой Отечественной войны, десятилетия возрождения из пепла и укрепления великой страны. Пройдя через горнило тяжелых жизненных испытаний, Виктор Степанович сохранил преданность родной земле, ее самобытной природе, культуре и до конца своих дней верно служил Беларуси.

Талантливый ученый, неутомимый исследователь, активный общественный деятель В.С. Гельтман внес весомый вклад в развитие биологической науки, пропаганду научных знаний, организацию их практического применения. Неоценима его роль в разработке теоретических основ белорусской школы лесной геоботаники, получившей широкое признание и международный авторитет. Результаты многолетних фундаментальных и прикладных лесотипологических исследований актуальны для лесного хозяйства и в наши дни.

В издании представлены основные вехи его научной, научно-организационной и общественной деятельности, приводятся биографические сведения, а также воспоминания его коллег.

Символично, что эта книга выйдет в свет в год 85-летия Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси и 60-летия лаборатории геоботаники и картографии растительности, с которыми неразрывно связана жизнь и плодотворная деятельность В.С. Гельтмана.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИКТОРА СТЕПАНОВИЧА ГЕЛЬТМАНА

- 1926 г. - родился 9 октября в г. Минске
- 1937-1941 гг. - воспитанник детского дома им. Н.К. Крупской, г. Демидов, Смоленская область
- 1941-1942 гг. - учащийся школы ФЗО (фабрично-заводское обучение), г. Аракчино Татарской АССР
- 1943-1947 гг. - токарь-судоремонтник, а затем масленщик волжского пароходства «Волготанкер»
- 1948-1952 гг. - слесарь деревообделочного завода №1 г. Минска
- 1948 г. - окончил с серебряной медалью школу рабочей молодежи в г. Минске
- 1949-1954 гг. - студент лесотехнического факультета Белорусского лесотехнического института им. С.М. Кирова
- 1954-1957 гг. - аспирант Института леса АН БССР
- 1956 г. - выход первой научной статьи «О березовых лесах Полесья»
- 1957 г. - таксатор 2-ой Минской аэрофотолесоустроительной экспедиции
- 1957 г. - младший научный сотрудник отдела геоботаники Института биологии АН БССР
- 1959 г. - защита кандидатской диссертации «Типы березовых лесов Полесской низменности»
- 1960 г. - старший научный сотрудник отдела геоботаники

- 1972 г. - присуждена Государственная премия в области науки и техники за цикл работ по изучению структуры, продуктивности и закономерностей размещения растительного покрова Беларуси
- 1974 г. - защита докторской диссертации «Эколого-географический и типологический анализ лесной растительности Белоруссии»
- 1977 г. - избран на должность заведующего лабораторией продуктивности и водного режима фитоценозов Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича АН БССР
- 1985 г. - 21 августа ушел из жизни

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виктор Степанович Гельтман родился в Минске 9 октября 1926 г. в семье видного государственного деятеля Белорусской ССР Стефана Леоновича Гельтмана. Его отец был наркомом земледелия БССР, председателем Госплана и заместителем Председателя Совнаркома БССР. Мать, Ядвига Владиславовна Мошинская-Гельтман – литератор и партийный деятель.

Благополучие высокообразованной и интеллигентной семьи было разрушено в 1937 году. Отца и мать арестовали, Виктор и Христина, были определены в детский дом. С 1937 по 1941 гг. Виктор Степанович воспитывался в детском доме. В 1942 г. окончил фабрично-заводское училище и до 1947 г. работал токарем на судоремонтном заводе, а затем маслёнщиком на пароходах Горьковского центрального эксплуатационного участка «Волготанкер».

В 1947 г. В.С. Гельтман возвратился в г. Минск и поступил на работу на деревообделочный завод слесарем. Одновременно учился в школе рабочей молодежи, которую окончил в 1949 г. с серебряной медалью. В том же году поступил на лесохозяйственный факультет Белорусского лесотехнического института им. С.М. Кирова. Учебу в институте совмещал с работой слесаря в ночную смену.

Уже в студенческие годы Виктор Степанович проявил большой интерес к научно-исследовательской работе. Он активно участвовал в работе научного студенческого общества. Среди сверстников его выделяли глубокий аналитический ум, стремление проникнуть в глубь изучаемых вопросов, творческое отношение к делу. На формирование Виктора Степановича как будущего ученого большое влияние оказали лекции академиков АН БССР П.П. Рогового, В.П. Перехода, К.Н. Короткова, профессоров В.К. Захарова, Б.Д. Жилкина, К.Ф. Мирона.

Особое место в творческой биографии В.С. Гельтмана занимает совместная работа с академиком АН БССР И.Д. Юркевичем. Начиная с аспирантуры, с ним связана практически вся научная деятельность Виктора Степановича. Под его руководством Виктор Степанович подготовил и защитил кандидатскую диссертацию на тему «Типы березовых лесов Полесской низменности», которая во многом определила научное направление его дальнейших исследований. В ней изложена впервые разработанная и развернутая лесотипологическая классификация березняков с использованием выдвинутого академиком И.Д. Юркевичем положения, согласно которому элементарной типологической единицей признается ассоциация, а тип леса становится категорией второго порядка. В диссертации Виктора Степановича и других его работах этого периода прослеживается новый взгляд на тип леса. Понятия «тип леса» и «лесная ассоциация» разграничиваются. Работы И.Д. Юркевича и В.С. Гельтмана открыли новый биогеоценотический период в развитии лесной типологии в Беларуси. Как отметил Л.П. Рысин (1982)¹, к этому времени относится и оформление белорусской лесной типологии в автономное направление.

С 1960 г. Виктор Степанович работал в должности старшего научного сотрудника лаборатории геоботаники Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича АН БССР. Возглавляемая им тематическая группа выполнила ряд заданий по изучению лесной растительности республики. Под его непосредственным руководством проведены исследования эколого-фитоценотических закономерностей формирования и развития лесных формаций на территории Белорусской ССР и осуществлен ряд других проектов исследовательского характера, в том числе директивных. В этот период раскрылись его выдающиеся способности как ученого, в полной мере проявились его огромное трудолюбие и анали-

¹ Рысин, Л.П. Лесная типология в СССР. – М.: Наука, 1982. – 217 с.

тический ум – способность извлекать из фактического материала самое главное, умение систематизировать и обобщать научные факты.

Результаты работ этого периода изложены в монографиях: «Сероольховые леса и их хозяйственное использование» (И.Д. Юркевич, В.С. Гельтман, В.И. Парфенов, 1963), «География, типология и районирование лесной растительности Белоруссии» (И.Д. Юркевич, В.С. Гельтман, 1965), «Типы и ассоциации черноольховых лесов» (И.Д. Юркевич, В.С. Гельтман, Н.Ф. Ловчий, 1968), «Растительный покров Белоруссии» (коллектив авторов, 1969), «Леса Белорусского Полесья» (И.Д. Юркевич, Н.Ф. Ловчий, В.С. Гельтман, 1977) и в много-томном труде «Леса СССР». Эти работы явились итогом глубоких теоретических обобщений и получили высокую оценку научной общественности и практиков лесного хозяйства. В.С. Гельтман участвовал в разработке научно-технических прогнозов влияния осушительной мелиорации на изменение растительности Белорусского Полесья, комплексного перспективного использования растительных ресурсов этого региона и влияния развития отраслей народного хозяйства Белоруссии на окружающую среду. За цикл работ по изучению растительного покрова Белоруссии Виктору Степановичу в составе авторского коллектива в 1972 г. присуждена Государственная премия БССР.

В докторской диссертации В.С. Гельтмана «Эколого-географический и типологический анализ лесной растительности Белоруссии», которую он успешно защитил в 1974 году, дан глубокий анализ исследований географии, типологии и районирования лесной растительности республики. Впоследствии материалы диссертации были опубликованы в монографии «Географический и типологический анализ лесной растительности Белоруссии» (1982).

В 1977 году Виктор Степанович избирается по конкурсу на должность заведующего лабораторией продуктивности и водного режима фитоценозов, в которой он работал до последних дней своей жизни.

В научной деятельности В.С. Гельтман с присущим ему исключительным трудолюбием и необычайной работоспособностью всегда стремился не только к решению теоретических вопросов геоботаники и лесоведения, но и к их практическому воплощению в жизнь. За 30-летний период вышли в свет 183 научные работы, в том числе 7 крупных монографий, 140 научно-популярных, энциклопедических, юбилейных и других статей. Под редакцией В.С. Гельтмана опубликовано 3 монографии, он являлся заместителем главного редактора 25 выпусков ежегодника БРБО «Ботаника», членом редакционной коллегии 9 выпусков сборника «Беловежская пуща», 4 выпусков сборника «Березинский заповедник», 9 выпусков сборника «Заповедники Белоруссии», а также членом редколлегии «Энциклопедия природы Белоруссии».

Научное значение творческого наследия В.С. Гельтмана заключается прежде всего в том, что он является одним из основных авторов фундаментальных принципов геоботанического районирования и классификации лесной растительности Белоруссии. Им выполнен анализ географического размещения лесных формаций на территории БССР, установлены зональные особенности растительного покрова, уточнены границы ареалов некоторых древесных видов, выявлены закономерности формирования фитоценозов важнейших лесных формаций и соотношения таксономических единиц различных рангов и категорий районирования и классификации лесной растительности, разработаны принципы и методика картографирования растительного покрова, составлена легенда среднемасштабной (М 1 : 1 000 000) карты растительности БССР. При его непосредственном участии проведены обширные работы по составлению промежуточных карт растительного покрова и легенд к ним, явившихся основой для последующих картографических публикаций, выполнены оригинальные исследования растительных формаций, развиты новые положения в отечественной лесотопологической науке, обоснована типологическая концепция о лесных ассоциациях как причинных категориях типа леса.

На основании исследований и анализа эдафо-фитоценологических взаимосвязей типов леса, лесных ассоциаций и их продуктивности В.С. Гельтман предложил климатогенно-ривалитатную теорию фитоценохорологии, обосновал понятие о фитоценологической устойчивости видов-эдификаторов, выдвинул положение о лесотипологическом территориальном комплексе как основной единице (низшем таксоне) лесорастительного районирования, охарактеризовал лесную растительность по регионам республики.

Виктор Степанович всегда поддерживал тесную связь с работниками лесного хозяйства, лесоустроителями. На научно-технических советах Минлесхоза БССР он часто выступал в качестве эксперта по проектам организации и развития лесного хозяйства, делал обобщающие доклады, давал консультации и практические рекомендации по различным вопросам лесоведения и геоботаники. Несмотря на крайнюю занятость научно-теоретической работой, он находил время, чтобы непосредственно участвовать в экспедициях. Лес он кропотливо изучал, познание его тайн было целью его жизни. Перу В.С. Гельтмана принадлежит и «Гимн лесоводов», широко известный среди коллег по профессии.

Работая заведующим лабораторией продуктивности и водного режима фитоценозов, В.С. Гельтман руководил исследованиями по эколого-фитоценологическому мониторингу лесных биогеоценозов на базе Березинского биосферного заповедника, по видовой специфике водообмена растений, а также возглавлял разработку вопросов прикладного порядка. Это, прежде всего, проблемы, связанные с выявлением влияния обвалования р. Припять и значительного снижения уровня почвенно-грунтовых вод на структуру и продуктивность фитоценозов. Одновременно он продолжал работу по теории лесотипологических комплексов, разработал основные положения по составлению региональных кадастров типов леса.

Наряду с научно-исследовательской деятельностью Виктор Степанович вел большую общественную работу.

С 1958 по 1973 гг. он являлся ученым секретарем совета Белорусского республиканского ботанического общества, а затем его вице-президентом. Состоял членом секции лесной типологии Научного совета по проблемам леса АН СССР, двух специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, научных советов по проблемам биосферы и проблемам Полесья АН БССР, Научного совета «Рациональное использование, преобразование и охрана растительного мира» АН БССР, научно-технических советов Минлесхоза БССР, Государственного заповедно-охотничьего хозяйства «Беловежская пуца», Березинского биосферного и Припятского ландшафтно-гидрологического заповедников.

В.С. Гельтман постоянно выступал с научными докладами на международных и всесоюзных съездах и симпозиумах, конференциях и совещаниях, вел активную пропаганду ботанических знаний и идей охраны природы. В течение многих лет был ведущим телевизионных программ «Природа и мы» и «Тайны растений». Здесь ярко проявился его талант пропагандиста-лектора, умеющего увлекательно и доходчиво рассказать об интересных явлениях в растительном мире, донести до слушателя красоту родной природы.

Отличительной чертой его глубоко интеллигентной личности была высокая требовательность к себе и коллегам по работе. Принципиальный ученый и неутомимый исследователь природы, скромный и обаятельный человек, Виктор Степанович за свою короткую жизнь много сделал для развития ботанической науки Беларуси. Глубокие всесторонние знания, огромная эрудиция, высокие нравственные качества снискали ему широкую известность среди коллег в научных кругах, любовь и уважение лесоводов. Виктор Степанович всегда был очень внимательным к людям. Таким он останется в благодарной памяти друзей, коллег и учеников, всех тех, кто его знал и с кем он вместе трудился, чтобы краса белорусской природы – наши леса – служили не только нынешнему поколению, но и нашим потомкам.

**ВОСПОМИНАНИЯ
КОЛЛЕГ И
СОВРЕМЕННОКОВ**

СЫН ПРО ОТЦА

Что я помню про своего отца – Виктора Степановича Гельтмана – с самого раннего (дошкольного) детства? Пожалуй, то, что мой папа – «лесовод», работает в Академии наук, ездит в экспедиции, а во время войны «работал масленщиком на Волге на пароходе». На работе у него есть друзья, которые приходят к нам в гости, а иногда помогают пилить и колоть дрова.

Со временем я, конечно, узнал о его жизни значительно больше – как от него самого, так и из других источников. Настоящие заметки – безусловно, субъективные – попытка рассказать то, что, возможно, интересно не только мне.

Происхождение и родители

Тема родителей (и предков вообще) была одной из значимых для моего отца. Поэтому остановлюсь на ней чуть подробнее.

Папин отец, мой дед, Стефан Леонович Гельтман, родился в 1886 г. в Замостье Люблинской губернии (ныне – Польша). Его отец, Леон (Леон-Игнаций, Лев), был врачом². Он умер в 1902 г., когда его сын еще учился в гимназии. Мать (папина бабушка), Идалия, (из рода Кунцевичей) жила в семье папиных родителей до их ареста и закончила свои дни, по-видимому, в доме престарелых.

Отца называли в честь знаменитого предка Виктора Гельтмана – участника тайного общества в Свислочской гимназии, Польского восстания 1830 г. и революционной «весны народов» 1848 г., в дальнейшем – видного деятеля польской эмиграции. Мы с папой неоднократно обсуждали, являемся ли мы прямыми его потомками (в детстве папе говорили, что знаменитый Виктор – «dziadek», что может означать различ-

² Согласно «Памятным книжкам Люблинской губернии» Лев (Леон) Францевич Гельтман был сначала вольноопределяющимся врачом, а с 1899 г. – лекарем больницы Святого Николая в Замостье.

ную степень родства). Сходились на том, что все же вряд ли. Так оно и оказалось. Поиск на просторах интернета³ показал, что у Карла (Кароля) Гельтмана и его жены Текли (из рода Косинских), обосновавшихся в конце XVIII в. в Верховичах (ныне Каменецкий район Брестской области, в некоторых источниках называются Верховишки) родились дочь Каролина и 4 сына: отметившиеся в революционном движении Виктор и Иосиф и более спокойные Леон (Леон-Дионисий) и Франц, сын которого, Леон, и стал врачом в Замостье.

Стефан Гельтман закончил агрономический и философский факультеты Ягеллонского университета в Кракове. Его основная специальность – экономика сельского хозяйства. Еще в годы учебы в гимназии он стал участником польского революционного движения, позже входил в партию ППС (Польская социалистическая партия), но в 1917 г. перешел к большевикам. Был комиссаром по польским делам Западной области и фронта, работал в правительстве Литовско-Белорусской Республики. После окончания гражданской войны работал в Москве в Польском бюро ЦК РКП(б), а в марте 1924 г. вернулся в Беларусь. Одно время был заместителем председателя Совнаркома БССР (в этом качестве подписал декрет о создании Березинского заповедника), председателем Госплана, возглавлял польский отдел Института белорусской культуры. По некоторым сведениям, именно он подписывал разрешение на работу участникам белорусской экспедиции Главного ботанического сада СССР (ныне – Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН), в которую вошла составитель первого списка флоры БССР О.С. Полянская.

Папина мама, Ядвига Владиславовна Мошинская – дочь аптекаря из Глуска. О ее родителях практически ничего неизвестно. Отец рассказывал, что во время экспедиции в конце 1950-х годов он побывал в Глуске и нашел старика, помнившего, где находилась аптека Мошинского. Она училась в том же Ягеллонском университете, где и познакомилась со своим

³ Minakowski M.J. Wielka Genealogia Minakowskiego. – <http://wielcy.pl>.

будущим мужем. Согласно «Памятной книжке Минской губернии», в 1915 г. работала учителем высшего начального училища в Глуске⁴, потом преподавала в гимназии в Минске. С 1924 г. преподавала в Польском техникуме в Минске и Белорусском университете, занималась литературной деятельностью, в основном переводила на польский язык стихи русских и белорусских поэтов, составляла учебники и хрестоматии для польских школ и техникумов, которых тогда было в Беларуси немало.

Детство

Папа родился в Минске 9 октября 1925 г. Позднее в документах год рождения изменили на 1926 г., а в восстановленном после войны свидетельстве о рождении и вовсе указано «вторая половина 1926 г.». У него была сестра Христина (Кшися) старше его на 2 года. Однако она приписала себе год, чтобы пораньше выйти замуж, и в итоге по документам разница в возрасте сестры и брата увеличилась в 2 раза. С изменением года своего рождения отец смирился; во всяком случае, свое 60-летие он собирался отметить в 1986 г.

Родители отца жили в Минске сначала в «Доме советов» на ул. Советской (сейчас д. 17, фактически это площадь Независимости). Позднее они переехали на улицу Ульяновскую, д. 29 (по нынешней нумерации). О жизни на этой улице у папы сохранялись отрывочные воспоминания раннего детства, в частности, врезалось в память наводнение на реке Свислочь. Дома говорили по-польски, а Кшися даже пошла в первый класс польской школы.

В начале 1930-х годов С.Л. Гельтмана перевели в Москву, он работал в наркомате зерносовхозов, Ядвига Владиславовна преподавала польский и другие иностранные языки в

⁴ Среди ее учеников был известный деятель белорусской послевоенной эмиграции Е. Кипель, который написал о ней несколько любопытных строк в своих воспоминаниях, хотя и допустил ряд неточностей, касающихся ее биографии (Кипель Я. Эпизоды. Нью-Йорк, 1998; см. <http://news.arche.by/by/page/works/uspaminy-tvory/9835>).

Военной академии им. М.В. Фрунзе. Жили они в кооперативной квартире по ул. Новослободской (д. 67/69, кв. 72). Стефан Леонович, по традициям того времени, день и ночь проводил на работе. Дети (особенно Виктор) были больше привязаны к матери. У папы сохранились воспоминания, что летом вместе с курсантами Академии им. М.В. Фрунзе они отправлялись в военные лагеря под Москвой.

Арест родителей. Детдом

С.Л. Гельтман был арестован 5 апреля 1937 г., в самый разгар «большого террора». Ему предъявили обвинение в активном участии в антисоветской «Польской организации войсковой». 20 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР (на такие приговоры санкцию давало высшее руководство страны) он был приговорен к «высшей мере» и в тот же день расстрелян. Прах его покоится на Донском кладбище в общей могиле жертв террора. Ядвига Владиславовне предлагали осудить мужа, но она этого не сделала и получила 5 лет лагерей как «член семьи изменника родины». Детей она заранее предупредила о судьбе, которая ей и им уготована. В 1956 г. папины родители были реабилитированы.

Папа и его сестра попали в детский дом в г. Демидов Смоленской области. По его рассказам, в детдоме, благодаря заведующей, не было дискриминации детей «врагов народа»⁵. Он был активным пионером, председателем совета дружины. Учился хорошо, смог продолжить образование после семилетки, что разрешали далеко не всем. Однако в восьмом классе его «из-за родителей» не приняли в комсомол, что было для него большим ударом.

⁵ Так было далеко не во всех детских домах. Папин друг В.А. Славинский (сын известного деятеля БССР А.С. Славинского, именем которого названа улица в г. Минске) рассказывал, что в детдоме ему постоянно напоминали о его «статусе».

В детдоме папе и его сестре покровительствовала нянечка (возможно, повариха) – «тетя Поля»⁶, у которой не было своих детей. Она, по возможности, заменяла им потерянную семью. Папа вспоминал о ней с большой теплотой.

Летом детдом выезжал в лагерь, «на озера», скорее всего, в места, где сейчас расположен национальный парк «Смоленское Поозерье». Там папа с друзьями пристрастился к рыбалке, также научился ловить раков руками, чем всегда меня удивлял. На удочках вместо лески использовали конский волос из хвоста детдомовской лошади, а крючки и грузила покупали, сэкономив на детдомовских булочках и продавая их в школе «городским» (детдомовцы ходили в общую школу). В это время папа мечтал стать журналистом. Но, по его словам, именно летние месяцы на озерах Смоленщины привили ему любовь к природе.

Война. Волга

Во время войны детдом в г. Демидов не был эвакуирован. Заведующая ушла на восток, причем ей приписывали и поджог здания детдома (выполняла приказ о «выжженной земле»). Дети разбежались (какое-то время папа жил в деревне, возможно, с тетей Полей), потом собрались снова. Немцы назначили нового заведующего. При «решении еврейского вопроса» обратили внимание на папину фамилию, однако заведующий сказал, что этот мальчик поляк, возможно, немецкого происхождения. Это привлекло внимание бездетного немецкого офицера из полевой жандармерии, который стал оказывать папе знаки внимания, приглашал к себе, беседовал на различные темы – это позволяло папино школьное знание немецкого. Через некоторое время он объявил папе, что усыновляет его и отправляет в Берлин. Но для отца это было совершенно неприемлемо – он ушел на некоторое время

⁶ По-видимому, именно она похлопотала, чтобы изменить год рождения папы. Причины этого я не знаю, возможно, это произошло уже во время оккупации Демидова немцами, чтобы избежать отправки на работы.

из детдома, а немец, после недолгих поисков, отправился штурмовать Москву.

Во время оккупации детдом был переведен к востоку от Демидова в сельскую местность – пос. Колобаново. Это территория была освобождена в январе 1942 г. в ходе контрнаступления под Москвой (до г. Демидова советские войска не дошли), что позволило вывезти его воспитанников в тыл в августе 1942 г. Папа закончил школу фабрично-заводского обучения в г. Аракчино в Татарии, где получил профессию токаря. После этого он работал на судоремонтном заводе, а в апреле 1943 г. стал масленщиком на пароходе-буксире «Тарас Шевченко» пароходства «Волготанкер». Буксиры поднимали вверх по Волге из Астрахани в Горький баржи с нефтепродуктами, немцы их бомбили. Вахта масленщика включала обслуживание всего машинного отделения. Здесь папиным наставником стал механик Иван Пантелеевич Васильев, который учил его как техническим премудростям, так и способам выживания в голодное время: вся команда парохода покупала селедку в Астрахани, солила и продавала в Горьком. Это позволяло получить небольшое дополнение к зарплате, на которую, после выкупа положенного по карточкам, можно было приобрести на рынке только 1-2 буханки хлеба.

Во время войны отцу удалось установить связь с матерью, вышедшей из заключения в конце 1942 г. Они активно переписывались⁷, но увидеться не смогли. В мае 1946 г. Ядвига Владиславовна умерла.

С «Тараса Шевченко» папа перешел на пароход «Комбриг Серов», на котором работал до ноября 1947 г. О юности на Волге он много рассказывал, но почему-то в те края так и не съездил, хотя, конечно, такая возможность была.

Снова в Минске. Вечерняя школа и институт

Так получилось, что мои бабушки и дедушки были знакомы задолго до знакомства моих родителей. Ядвига Владиславовна и Стефан Леонович дружили с Наталией Ивановной

⁷ См.: Касперович Э. Колыбельная // Неман. – 1988. – № 9. – С. 140–155.

и Иваном Казимировичем Чекалинскими еще со времен гражданской войны, вместе работали в Народном комиссариате земледелия Западной области и фронта, Правительстве Литовско-Белорусской Республики, после наступления польской армии оказались в Смоленске. Как могли, поддерживали друг друга в самых различных ситуациях⁸. Ядвига Владиславовна незадолго до кончины обратилась к Наталии Ивановне с просьбой помочь Виктору.

В конце 1947 г. папа, списавшись с Чекалинскими, вернулся в Минск. Сначала он жил у них на Броневом переулке, д. 1 (дом сгорел при бомбежке Минска 24 июня 1941 г., после этого построили полуземлянку, в которой жили до 1953 г. На этом месте теперь правительственный дом приемов), затем устроился на работу дежурным слесарем на Деревообделочный завод № 1 Главного управления по восстановлению Минска и переехал в общежитие. На заводе он продолжал работать (в ночную смену) и когда стал студентом (до 3 курса), продолжал жить в заводском общежитии.

Надо было продолжать образование. В сентябре 1948 г. отец поступил в вечернюю школу, сразу в 10-й класс, хотя до войны закончил восемь. Первое время учиться было трудно, но к концу учебного года все наладилось, можно было рассчитывать на серебряную медаль. Плохо было только с физикой – по ней стояла «тройка». И вот, на собрании класса, где классный руководитель с сожалением говорил об этой самой «тройке» по физике, препятствующей получению медали, один из учеников (фронтовик, как и большинство папиных одноклассников) выступил с предложением «поставить

⁸ Семья Чекалинских в 1920-х годах владели небольшим хутором в нынешнем Октябрьском районе Гомельской области. Семья была большая – 5 детей. Спасаясь от надвигавшейся коллективизации и неминуемого раскулачивания, они переехали в Минск и первое время жили у папиных родителей и в доме А.С. Славинского.

После ареста супругов Гельтманов недоброжелатели написали доклад на Чекалинских. В результате мамина сестра (Галина Владимировна) была исключена из комсомола на том основании, что не известила организацию о посещениях их дома «врагами народа» Гельтманом и Славинским.

Гельтману по физике «четыре», чтобы он мог получить медаль». Весь класс проголосовал «за» и папа медаль получил – уж не знаю, что пришлось сделать классному руководителю, но он последовал мнению класса.

Надо было выбирать специальность. Отец со школьных времен неплохо писал стихи (во всяком случае, владел рифмой), в Минске посещал литературные объединения. Его притягивала литературная деятельность. Однако он подал документы в Белорусский лесотехнический институт им. С.М. Кирова на лесохозяйственный факультет. Сделал он это по совету Н.И. Чекалинской, считавшей, что надо получить настоящую профессию, а литературой можно заниматься в свободное время. Как оказалось, выбор был сделан более чем удачно.

Об учебе в институте у папы остались самые позитивные впечатления, он много рассказывал об этом времени. Учился он хорошо и с удовольствием. Летом на старших курсах подрабатывал таксатором. С однокурсниками, как я понимаю, поддерживал хорошие отношения и во время учебы, и через много лет после окончания вуза. Тем из них, кто стремился в науку, по возможности помогал. О своих однокашниках к 30-летию выпуска написал поэму «Наш курс», где уделил каждому хотя бы несколько строк.

После окончания института отцу не сразу, но удалось попасть в аспирантуру Белорусского института леса. На способного выпускника обратил внимание Иван Данилович Юркевич, умевший подбирать себе кадры. Надо иметь в виду, что в то время папины родители еще не были реабилитированы (хотя уже наступила «оттепель») и для приема в аспирантуру человека с такой биографией требовались известные усилия. С тех пор его жизнь была полностью связана с наукой и Минском.

Человек науки

Отец, безусловно, был человеком науки. Он был увлечен своей работой, лесом, природой. Вечером, придя с ра-

боты, часто еще что-то додумывал и дописывал. Очень хорошо чувствовал себя в экспедициях, куда брал меня с 7-летнего возраста.

Отдел геоботаники Института биологии (потом – Института экспериментальной ботаники) того времени – собрание ярких личностей, с интересом и энтузиазмом занимавшихся наукой. Для меня геоботаники были «дядями» и «тетями», с которыми я виделся у папы на работе или вместе ездил в экспедиции. Это время – «золотой век» как белорусской, так и советской геоботаники в целом. К сожалению, потом в коллективе минских геоботаников, как это обычно бывает, стали проявляться внутренние противоречия, возникли конфликты, которые папа тяжело переживал.

Работая в академическом институте, отец всегда гордился практической направленностью своих работ. Очень любил ездить с лесоустроителями на полевые работы (особенно на тренировочную таксацию), с большой симпатией относился к людям этой профессии.

Будучи членом ученых советов всех белорусских заповедников, он был в курсе их дел. Постоянно об этом рассказывал дома маме, а я это чутким детским ухом воспринимал и тоже был в курсе всех новостей, в том числе противоречий и дрызг (кто на кого какую написал кляузу), которые нередко бывают в таких небольших коллективах. Постоянно редактировал сборники трудов заповедников и «доводил до ума» статьи и диссертации их работников.

Много времени у отца отнимала и другая редакторская работа, особенно связанная с ежегодником «Ботаника». Однако она ему была не в тягость, хотя качество отдельных статей приводило в уныние. Когда стала выходить «Беларуская савецкая энцыклапедыя», активно работал над ее созданием как автор и редактор, причем, в отличие от многих авторов, писал по-белорусски как тексты очерков, так и рецензии.

Долгое время папа был ученым секретарем Белорусского отделения Всесоюзного ботанического общества (позднее – Белорусского республиканского ботанического

общества), потом стал его вице-президентом. Это тоже отнимало время. А когда я, будучи в 1-2 классах, приходил к нему на работу, печать и штамп общества, хранившиеся в его рабочем столе, были моими любимыми игрушками, с помощью которых я делал себе различные «пропуска».

Через папины руки прошли диссертации многих белорусских геоботаников, официальным руководителем которых был И.Д. Юркевич. Формально папа был руководителем только трех кандидатских диссертаций, но был очень рад, что наконец-то получил «своих» аспирантов и соискателей, уделял им много внимания.

Наша семья

С моей мамой, Наталией Ивановной Чекалинской (младшей из 5 детей моей бабушки), папа познакомился по приезде в Минск. Самые лучшие годы нашей семьи, пожалуй, пришлись на жизнь в Слепянке (на улице Коллективной, ныне – Аннаева) в доме без удобств, с печным отоплением. Именно поэтому друзья семьи приходили к нам помогать пилить и колоть дрова. Несмотря на бытовые сложности, у нас в то время бывало много гостей, особенно на мамин и мой день рождения (папин отмечали значительно скромнее). На Новый год устраивали елку для детей (в основном многочисленных родственников по маминной линии), отец был Дедом Морозом – это продолжалось чуть ли не до окончания мною школы. В 1967 г. мы получили квартиру в академическом доме на улице Деревообделочной (ныне – бульвар Мулявина).

Как папа, так и мама были увлечены наукой, много говорили об этом дома, спорили по разным поводам, что иногда переходило в семейные неурядицы. Мама долго работала в Жодино в Институте земледелия, ездила туда ежедневно или почти ежедневно, работать там ей очень нравилось. В 1971 г. она перешла на работу в Институт экспериментальной ботаники. Хотя сложностей с поездками на работу стало меньше, совместная работа родителей в одном институте, к сожалению, не добавила взаимопонимания в семье. А потом

прибавилось и много иных обстоятельств, которые привели к разводу родителей.

Очень теплые воспоминания связаны у меня с летним отдыхом в 1964-1967 гг. в Цельском лесничестве (пос. Сосновый близ Лапичей на берегу Осиповичского водохранилища). Там работал лесничим папин однокурсник Владимир Владимирович Ульянов (потом он переехал в Крым), была свободна служебная квартира, которую на август занимали мы. Бывали мы там как вдвоем с папой, так и все вместе втроем, приезжали также родственники и друзья. В нашем распоряжении была лодка, сразу за домом начинался лес, поэтому наш отдых состоял в основном в рыбалке, сборе ягод и грибов, которые отец научился мариновать. При походах в лес он обучал меня основам лесной типологии: отличия сосняка мшистого от черничного, значение слов «подрост» и «подлесок», различия между типом лесом и ассоциацией (согласно концепции белорусской школы лесной типологии) я помню именно с тех пор. Позже всей семьей ездили отдыхать в Березинский заповедник (останавливались в Крайцах – тогдашнем центре заповедника – у Константина Дмитриевича Чубанова, который работал заместителем директора по научной работе), бывали также и в Беловежской пуще.

Круг общения

Основной круг общения отца, конечно, был связан с работой. Как я понимаю, в целом его отношения с коллегами по работе складывались хорошо, лишь в последние годы его жизни были омрачены несколькими конфликтами. В эти годы большую поддержку папе оказал Виктор Иванович Парфенов.

Его близким другом был однокурсник Кузьма Вашкевич (работал лесничим в Белом Береге Воложинского района), к сожалению, очень рано ушедший из жизни. По-настоящему дружил папа и с еще одним своим однокурсником – Николаем Федоровичем Ловчим, хотя папина вспыльчивость и упорство Николая Федоровича могли войти в противоречие и привести к неожиданным ссорам, особенно в экспеди-

циях (поводом могли быть недостаточно хорошо высушенная палатка, опоздание папы с рыбалки и т.п.), за которыми, однако, следовало быстрое примирение.

К «ближнему кругу» общения можно отнести Леонида Петровича Смоляка, от которого папа «унаследовал» лабораторию продуктивности и водного режима фитоценозов. Дома у нас одно время нередко бывал Павел Яковлевич Петровский – ученый секретарь Центрального ботанического сада; он также отдыхал с семьей в Цельском лесничестве, а потом ему удалось выстроить там дачный домик. Несколько позднее близкие отношения у папы сложились с К.Д. Чубановым (он тогда уже работал в Ботаническом саду) и Окмиром Егишевичем Агаханянцем – выдающимся исследователем растительного мира Памира и популяризатором науки. Одно время к нам домой заходил живший неподалеку Владимир Сергеевич Романов – заместитель министра лесного хозяйства БССР, затем – ректор Белорусского технологического института, до переезда в Минск работавший директором Беловежской пуши.

Из иногородних коллег более близкие отношения у папы, как мне помнится, сложились с Виктором Викторовичем Мазингом из Тарту, Львом Павловичем Рысиным из Москвы, Станиславом Алексеевичем Дыренковым из Ленинграда, Михаилом Андреевичем Голубцом из Львова, хотя, возможно, это перечень и неполон. Одно время довольно тесные контакты были с Андреем Фроловичем Журавковым и Николаем Григорьевичем Васильевым из Владивостока. Папа провез их по всем белорусским заповедникам, а они пригласили его осенью 1973 г. на Дальний Восток. Поддерживал связи с польскими коллегами, наиболее близкие – со Станиславом Беллоном, работавшем на лесохозяйственном факультете Варшавской сельскохозяйственной академии.

Теплые отношения были у папы с сестрой Кхисей и ее многочисленной семьей (четверо детей), которая жила в Пружанах. Помнится, что к ней мы заезжали всей экспедицией в 1965 г. по дороге в Беловежскую пушу. Сестре папа по

возможности помогал, а еще более они сблизилась в непростые последние годы папиной жизни.

Значительную часть круга общения составляли родственники по маминой линии – ее сестры и их семьи, многочисленные мамы тети и дяди (у ее отца – моего деда Ивана – было то ли 6, то ли 7 братьев и сестер), их дети и внуки. Папе очень симпатизировала бабушкина тетя, Наталия Константиновна Ванькович, которая жила с нами в 1965-1967 гг. Из друзей нашей семьи по маминой линии, с которыми у папы сложились теплые отношения, я могу вспомнить, пожалуй, ее школьных подруг Галину Игнатьевну Васильеву (доцент химфака БГУ), Инну (отчество не помню) Базыленко (известный главный врач), а также доцента биофака БГУ Ольгу Ивановну Колешко, сотрудницу Института земледелия Анну Васильевну Егорову и очень энергичную и деятельную Зою Ивановну Ремневу из Института картофелеводства и плодоовощеводства. С большой симпатией к папе относилась бабушкина подруга Мария Константиновна Хайновская (она была знакома и с папиными родителями) – библиотечкарь Союза писателей. От нее мы узнавали все новости о жизни белорусских писателей, а иногда и получали книги с их автографами.

Часто у нас бывал и уже упоминавшийся Виктор (Виль) Адамович Славинский, который работал мастером на радио-заводе. Отец иногда брал его с собой в экспедицию, где тот в основном выполнял функции повара. Запомнилось, как на Припяти он приготовил «рыбу по-гречески» из пойманных щук. Он и папа (вместе и по отдельности) бывали у Николая Семеновича Орехво (хорошо знавшего их отцов) – деятеля Коммунистической партии Западной Беларуси, чудом избежавшего репрессий. В то время он работал в Институте истории партии при ЦК КПБ. В связи с изучением революционной деятельности семьи Гельтманов папа сблизился с историком Александром Федоровичем Хацкевичем, был знаком с литературоведом и публицистом Адамом Иосифовичем Мальдисом, гродненским писателем Борисом Самуиловичем Клейном, писавшим на исторические темы, и гродненским же

журналистом Александром Ивановичем Киркевичем. Мне запомнилось, как последний рассказывал о том, как принимал на работу в «Гродненскую правду» Василя Быкова («беларускую мову ён аднак жа ведаў добра»). Были контакты и с известным московским историком белорусского происхождения Николаем Николаевичем Улащиком, пережившим четыре ареста.

Папа вел активную переписку с друзьями его родителей Ядвигой Секерской и Целиной Будзиньской, которые жили в Варшаве. Обе в 1937 г. получили длительные лагерные сроки, но в конце войны были неожиданно освобождены и направлены «строить народную Польшу».

Общественно-политические взгляды

По своим взглядам отец был типичным «шестидесятником». Он верил в принципиальную возможность построения коммунизма, хотя, конечно, понимал, что это не состоится в 1980 г., как предрекала программа КПСС. Как большинство шестидесятников, ненавидел Сталина и противопоставлял ему Ленина. Для меня в детстве слово «сталинист» однозначно было синонимом плохого человека. Папа переживал ползучее оправдание Сталина, которое началось со второй половины 1960-х годов, был горячим поклонником А.Т. Твардовского и его деятельности на посту главного редактора «Нового мира» (этот журнал мы, разумеется, выписывали), кажется, даже писал какие-то письма в его поддержку. Отрывки из неопубликованной поэмы Твардовского «По праву памяти» были у отца, так сказать, из самиздата. Из командировки в Польшу в 1967 г., папа привез магнитофонные записи «антисоветских» песен (Алешковский, Городницкий, Галич и др.), которые, правда, дал мне послушать только лет через 7, когда у нас появился магнитофон. Конечно, любил стихи поэтов-шестидесятников, особенно Евгения Евтушенко.

В целом к порядкам в СССР того времени папа относился довольно критически, но в КПСС вступил вполне осознанно, хотя и отчетливо понимал все недостатки этой орга-

низации. В 1985 г., комментируя приход к власти М.С. Горбачева, отметил: «Ходят слухи, чистка партии будет. Хорошо бы, конечно, но неизвестно еще, кто кого вычистит...».

В паспорте отец был записан поляком и немного сердился на сестру, которая в итоге по документам оказалась русской. Польский язык знал почти свободно и пытался учить ему меня, выписывал польскую газету «Polityka», в которой тогда можно было найти много информации, не печатавшейся в наших газетах, а также дружеские шаржи на Л.И. Брежнева и других руководителей «социалистического лагеря». Дома мы, как и большинство минчан, говорили по-русски, но белорусский язык и культура пользовались в семье большим уважением, в нашей домашней библиотеке было много белорусских книг. В школе меня принципиально не освободили от изучения белорусского языка, хотя тогда это было сделать очень просто, чем пользовались и многие коренные, сельские белорусы. Белорусский язык папа освоил уже по приезду в Минск (в его дневниках есть замечание о сложностях с этим предметом в вечерней школе). Не знаю, как бы он отнесся к распаду СССР и белорусской независимости. Но хорошо помню, что на полях книги Владимира Короткевича «Дзікае паляванне Караля Стаха», там, где Андрей Белорецкий отмечает: «Я тады шукаў свой народ і пачынаў разумець, як многія ў той час, што ён тут, побач, толькі за два стагоддзі з нашай інтэлігенцыі добра выбілі гэта разуменне», отец приписал карандашом: «А за 60 лет советской власти выбили еще больше».

Возможно, под влиянием книг В. Гюго о французской революции, прочитанных в детстве, папа с симпатией относился к Франции и ее революционным традициям, хотя в этой стране никогда не был. У нас была книга «История Франции», которую он с удовольствием перечитывал. Любил мелодию «Марсельезы» и говорил, что у них гимн – вот это гимн, не то что у нас.

Характер и увлечения

По характеру папа был человеком эмоциональным, довольно вспылчивым, но отходчивым. Это, как мне рассказывали, ему передалось от мамы, которая, в противоположность ее очень спокойному мужу, была тоже часто подвержена всплескам эмоций. Отец остро переживал несправедливость и то, что казалось ему сделанным неправильно. Мог в набитом вагоне электричке пристыдить подростков, не уступивших места пожилым людям, или мужиков, демонстративно матерящихся при женщинах и детях.

У отца были, что называется, хорошие руки – сказывалось рабочее прошлое. Наш небольшой дачный домик в Боярах он почти полностью построил своими руками. К уже упомянутой З.И. Ремневой (она жила в Лошице) мы ездили собирать популярную тогда «стенку» для книг и в итоге собрали. Меня обучал всяким ремеслам, покупал различные наборы для моделирования, но, начав показывать, как нужно правильно собрать модель, увлекался и нередко почти все делал сам. По папиному совету и при его активной помощи я собирал марки и значки. Помню, как он предложил наклеить в альбом для марок географические карты и уже на них помещать марки, чем сам с удовольствием занимался. Как мне теперь кажется, это была и дань чему-то недоделанному в его собственном детстве.

Особое место среди папиных увлечений занимала рыбалка, для которой можно было найти время в экспедициях и на отдыхе. Мы с отцом, как истинные поклонники социалистического способа производства, устанавливали себе план – сначала по копке червей, а потом и по пойманной рыбе. Будучи человеком азартным, папа переживал, если у кого-то из его коллег по экспедиции улов был побольше.

Азартность давала себе выход и в увлечении футболом, в меньшей степени хоккеем. Одно время папа даже вел свою собственную таблицу футбольного первенства СССР, ему удалось подписаться на дефицитный еженедельник «Футбол». Пока у нас дома не появился телевизор, смотреть наиболее

ответственные матчи мы ходили к Борису Ивановичу Якушеву, который жил в соседнем подъезде нашего дома. Мне запомнилось, как в Цельском лесничестве мы смотрели двухдневный финал кубка СССР с участием минского «Динамо» в 1965 г. и чемпионат мира 1966 г.

Любил отец и шахматы, конечно, обучал меня этой игре, которая, как мне кажется, тогда была значительно популярнее, чем сейчас. Как мне помнится, в отделе геоботаники одно время было даже что-то вроде собственного шахматного турнира.

Еще одним увлечением была история. Он стремился написать правдивую биографию своих родителей, для этого даже работал в архивах. Историко-биографический очерк о С.Л. Гельтмане, с опорой на необходимые источники, он довел до начала 1918 г. Кроме того, он переводил книги своего отца о национализации земли в Беларуси и роли поляков в событиях октябрьской революции в Беларуси, изданные в Минске в 1920-е годы на польском языке.

О папиных литературных опытах мне уже приходилось писать в предисловии к сборнику его избранных стихов и прозы⁹. Надо отметить, что он никогда не жалел о том, что не пошел в большую литературу, а избрал делом своей жизни лесную науку.

*Д.В. Гельтман,
доктор биологических наук,
вр.и.о. директора Ботанического института
им. В.Л. Комарова Российской академии наук*

⁹ Гельтман В.С. Лесные просеки / Сост. Д.В. Гельтман. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 112 с.

ТЕОРЕТИК ЛЕСНОЙ ГЕОБОТАНИКИ И ГЕОБОТАНИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

В Беларуси и за её пределами доктор биологических наук Виктор Степанович Гельтман известен как ученый-ботаник и лесовод. Научные труды этого выдающегося исследователя посвящены изучению основного компонента биосферы – растительного покрова. Им проведены крупные оригинальные исследования растительных (преимущественно лесных) формаций; заложены основы и методология геоботанического картографирования; развиты новые положения отечественной классической лесотипологической науки. Он создал новое научное направление в геоботанике и теоретически обосновал принципы геоботанического, в частности, лесорастительного районирования с учетом лесотипологических комплексов.

Как ученый академического склада ума он являлся «мозговым центром» белорусской геоботаники в 1960-1980 годы. Его концептуальные теоретические исследования закономерностей формирования растительности вошли в учебники геоботаники, экологии и лесоведения. Этим ученым очень многое сделано в теории и практике охраны природы и заповедного дела. Его трудами пользуются работники-практики лесного хозяйства, охраны природы, мелиорации и водного хозяйства страны, так как очень много полезного он сделал и в этих актуальных для страны областях. Достаточно сказать, что в ряде законодательных документов по ведению лесного хозяйства и охраны природы Беларуси нашли воплощение теоретические разработки Виктора Степановича.

К глубочайшему сожалению, деятельность этого талантливого ученого оборвалась до обидного слишком рано. Многие его научные замыслы так и остались с ним, не были раскрыты. Мне особенно горько сознавать это, так как пришлось в течение долгого времени испытывать его влияние и «питаться» его незаурядными идеями и помыслами, видеть

его в процессе деятельности и сопереживать его жизненным неурядицам.

А жизнь ему уготовила тяжелейшую судьбу – с раннего детства и до самого конца. Виктор Степанович Гельтман прошел все тяготы предвоенного, военного и послевоенного детства и юности: воспитывался в детском доме, окончил школу фабрично-заводского обучения, в годы войны подростком работал маслёнщиком на пароходе Волжского пароходства, слесарем на деревообделочном заводе в Минске; в 1948 году окончил (с серебряной медалью!) школу рабочей молодежи, в 1954 году (с отличием!) Белорусский лесотехнический институт, в 1957 году аспирантуру (с защитой в трехлетний срок кандидатской диссертации!).

И все это время он был под тяжелой социально-политической ношей синдрома неблагонадежности, как сын «врагов народа» (родители его были в 1937 году несправедливо репрессированы: отец расстрелян, а мать умерла в нищете на поселении в Казахстане).

Тем не менее, Виктор Степанович убежденно был предан коммунистическим идеалам в их лучших для человечества проявлениях. С пафосом относился к революционным событиям 1917 года и коммунистическому строительству в СССР. Он боготворил ум и деятельность В.И. Ленина и буквально ненавидел И.В. Сталина, считая его виновником всех постленинских событий; убежденно и ответственно вступил и состоял в рядах КПСС и гордился этим. Тяготы, сомнения и события того времени поколебали веру Виктора Степановича во что-то возвышенное, но не сломили силу воли, не обозлили его сердце.

Оценивая Виктора Степановича как человека (коллегу и друга), нельзя умолчать о его высочайших нравственных качествах. Праправнук революционера, о котором писал Карл Маркс, сын известного государственного и партийного деятеля нашей республики, он не был по своей натуре «преобразователем мира» – революционером. Его главным оружием в дискуссии и убеждении собеседника были интеллект,

логика и справедливость. Он отличался своими демократическими принципами, исключительной скромностью, искренней принципиальностью (до дерзости), своим проникновенным отношением к любому выполняемому делу, обсуждаемой проблеме или отдельному вопросу. Этим он и привлекал к себе внимание и заслуживал всеобщее уважение.

Виктор Степанович благоговейно чтил науку как что-то благородное и возвышенное, как познание неизведанного и свято к ней относился. Не терпел в ней случайных людей, поверхности выводов и исследований, а особенно – серости и приспособленчества. Он резко осуждал, независимо от рангов, незаслуженное использование результатов научного труда в коллективных исследованиях и всеми средствами с этим боролся. Научная принципиальность для него была главной в оценке научной деятельности научного учреждения, коллектива или отдельного ученого. Его принципиальные рецензии и научное редактирование монографий и научных статей до сих пор вспоминаются в Институте. Отточенное «гельтмановское» редакторское перо помогало войти в науку молодым и не щадило маститых.

Для меня лично Виктор Степанович был мерилom совести, поведения и отношения к делу. Простое его присутствие заставляло собеседника быть лучше. Виктору Степановичу были присущи высокие демократические идеалы, чувство ответственности, большая эрудиция и исключительное трудолюбие. Этот великий труженик, невзирая на преследовавшие невзгоды, в его сравнительно короткой творческой жизни находил единственную усладу – в труде, труде кропотливом, повседневном и плодотворном. Нужно признать, что мы, окружающие его коллеги и друзья, не всегда щадили его трудолюбие и оберегали его светлый ум и талант от мелких вопросов и проблем.

По своей внутренней природе Виктор Степанович был романтиком-мечтателем и немного фантазером. В нем, несмотря на это, уживались твердость духа, патриотизм и граж-

данское мужество. Он очень гордился своей профессией – лесовод. Боготворил и воспевал объект своих научных исследований – лес.

В одном из своих стихотворений, посвященных лесу и лесной профессии, Виктор Степанович повествует:

*...Наш труд не очень знаменит.
Десятки лет, мой друг, пройдут, пока
Поднимутся твои леса.
Но и в двухтысячном году
Лесное эхо повторит
Детей и внуков голоса.*

Прошёл уже казавшийся в то время далеким двухтысячный год, наступило третье тысячелетие. Вот уже тридцать лет как нет с нами автора этих строк, а в лесной Беларуси повсеместно: и в нарочанских борах, и в полесских дубравах, и в лесах Белорусского Поозерья благозвучно отдается отзвук добрых дел Виктора Степановича Гельтмана. Его идеи и помыслы звучат в делах его учеников и коллег. Лесная Беларусь помнит его – славного сеятеля на ниве лесной.

*В.И. Парфенов,
академик, доктор биологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Республики Беларусь, заведующий лабораторией флоры и систематики растений, почетный директор Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.*

ГЕЛЬТМАН ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ ЛАБОРАТОРИИ ГЕОБОТАНИКИ И КАРТОГРАФИИ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

В 1958 г. в отдел геоботаники Института биологии АН БССР, организованный в 1956 г. академиком АН БССР Иваном Даниловичем Юркевичем Виктор Степанович Гельтман поступает на работу в качестве младшего научного сотрудника. С именем И.Д. Юркевича связана не только ранняя, но и вся последующая научная деятельность Виктора Степановича в лаборатории геоботаники. В 1956 г. в сборнике трудов Института леса АН БССР выходит в соавторстве с академиком И.Д. Юркевичем его первая научная статья «О березовых лесах Полесья». Под руководством Ивана Даниловича в 1959 г. Виктор Степанович Гельтман защитил кандидатскую диссертацию «Типы березовых лесов Полесской низменности», в которой впервые в разработанной лесотипологической классификации в качестве основной элементарной типологической единицы более низкого ранга по сравнению с типом леса (типом лесного биогеоценоза) принята лесная ассоциация, характеризующаяся максимальной фитоценотической и экотопической однородностью составных компонентов, не выходящих за пределы типа леса. С введением определений понятий «типа леса» и «лесной ассоциации» и их иерархической структуры, был открыт новый биогеоценотический период развития лесной типологии Беларуси и формирования ее как самостоятельного направления.

Полученный при изучении березовых лесов Полесья опыт систематизировать и обобщать первичные материалы полевых исследований и умение извлекать из них главное, дали возможность Виктору Степановичу включиться в выполнение лабораторией ряда тем по исследованию лесной растительности республики. Под его непосредственным руководством проведены исследования по распространению и районированию лесной растительности Белорусской ССР, эколого-фитоценотических закономерностей формирования

и развития лесных формаций сероольховых и черноольховых лесов республики. Большой интерес для Виктора Степановича помимо фитоценотической структуры и продуктивности этих лесов, представляли вопросы антропогенного изменения лесной растительности, особенностей произрастания лесных видов на границе ареала их сплошного распространения и взаимосвязи водности рек с лесистостью водосборов. Особое внимание уделялось и смене коренных лесных формаций производными в связи с крупномасштабным мелиоративным преобразованием Белорусского Полесья, к которому по его научному видению необходимо относиться очень осторожно и дифференцированно в зависимости от структуры природных комплексов.

Результаты работ этого периода опубликованы в следующих наиболее значимых для геоботаников монографических изданиях: «Сероольховые леса и их хозяйственное использование» (И.Д. Юркевич, В.С. Гельтман, В.И. Парфенов, 1963), «География, типология и районирование лесной растительности Белоруссии» (И.Д. Юркевич, В.С. Гельтман, 1965), «Типы и ассоциации черноольховых лесов» (И.Д. Юркевич, В.С. Гельтман, Н.Ф. Ловчий, 1968), «Растительный покров Белоруссии» (под ред. И.Д. Юркевича, В.С. Гельтмана, 1969).

Выдающие способности Виктора Степановича Гельтмана как ученого, его аналитический ум в полной мере раскрылись, когда геоботаническое картографирование стало основным научным направлением лаборатории. Он приобрел статус одного из ведущих разработчиков теоретических принципов и методов геоботанического картографирования и составления легенды обобщенной среднемасштабной карты растительности Беларуси (М 1 : 1 000 000). Виктором Степановичем выполнен анализ географического размещения лесных формаций на территории страны, определены зональные особенности растительного покрова и необходимость их отражения при геоботаническом картографировании, уточнены границы ареалов зональных древесных видов

в пределах республики, показано значение лесотипологических комплексов в теории и практике лесорастительного районирования.

Создание карты растительности имело не только научно-теоретическое, но и большое практическое значение. Она использовалась при проектировании и размещении мелиоративных и промышленных объектов, сетей коммуникаций, выделения особо охраняемых природных территорий и зон отдыха, разработке мероприятий по рациональному использованию земельных, водных и растительных ресурсов, охране окружающей среды и т.д. Кроме того, карта растительности явилась основой составления промежуточных карт, как общереспубликанских (М 1 : 2 500 000, 1 : 600 000, 1 : 300 000), так и региональных – бассейнов рек Западной Двины, Сожа (М 1 : 300 000) и Припяти (М 1 : 500 000); поймы р. Припять (М 1 : 100 000); Белорусского Поозерья (М 1 : 100 000, 1 : 200 000) и т.д.

Полученные результаты исследований были высоко оценены руководством страны. За цикл работ по изучению структуры, закономерностей формирования растительного покрова, продуктивности растительных сообществ и рационального использования ресурсов растительного мира академику И.Д. Юркевичу и руководимому им коллективу лаборатории геоботаники (В.С. Адериho, Н.А. Буртыс, В.С. Гельтман, Д.С. Голод, Е.А. Круганова, Н.Ф. Ловчий, В.И. Парфенов, П.Я. Петровский, Л.П. Смоляк) в 1972 г. присуждена Государственная премия БССР в области науки.

Более широкую известность в научных кругах В.С. Гельтман и лаборатория геоботаники приобрели после защиты им в 1974 г. докторской диссертации «Эколого-географический и типологический анализ лесной растительности Беларуси» и опубликовании в 1982 году материалов своей диссертационной работы в монографии «Географический и типологический анализ лесной растительности Беларуси», ставшей фундаментальным обобщающим трудом, который можно возвести в ранг бестселлера геоботанической науки.

В настоящее время лабораторией геоботаники и картографии растительности поддерживается преимущество научных направлений исследований, заложенных Виктором Степановичем Гельтманом в области географии, типологии, картографирования и районирования растительности Беларуси. В течение последних 10-15 лет сотрудники лаборатории выполнили в части растительного мира ряд бюджетных и договорных тематик и получили следующие результаты:

- произведена кадастровая оценка основных типов сосновых лесов Беларуси и опубликованы монографии «Кадастр типов сосновых лесов Белорусского Поозерья», «Кадастр типов сосновых лесов Белорусского Полесья»;

- исследована геоботаническая структура, продуктивность и современное состояние растительности верховых болот Беларуси, разработана методика «Применение комплекса наземных и дистанционных методов для оценки повреждения природных экосистем», опубликована монография «Флора и растительность ландшафтного заказника «Ельня»;

- разработаны теоретические принципы и методы экологической оценки растительных сообществ Беларуси, составлен каталог редких и эталонных растительных сообществ белорусских регионов Поозерья и Полесья; методики выделения и типизации антропогенно-производных ассоциаций сосновых лесов на территории Беларуси;

- впервые составлены серии крупномасштабных электронных карт растительности крупных промышленных объектов (30-км зоны строительства БелАЭС на Островецкой площадке, Могилевского промрайона, более 20 ООПТ республиканского значения);

- в целях разработки региональной стратегии природно-ресурсного обеспечения устойчивого развития Припятского Полесья на период до 2030 г. в части ресурсов животного мира и биологического разнообразия по степени увлажненности луговых экосистем были определены прогнозные индикаторы и показатели; обоснованы типовые

технологические решения по интенсификации сельскохозяйственного использования почвенно-растительных ресурсов естественных луговых земель. Для Столинского, Пинского, Петриковского, Житковичского районов составлены и внедрены карты фактического и предпочтительного использования земель.

Подводя итог сказанному, отметим, что разработанные В.С. Гельтманом теоретические принципы и методы геоботанического районирования и картографирования растительности, ее классификации актуальны и в настоящее время. Использование их в сочетании с современными способами и методами компьютерной обработки первичных материалов, дистанционного зондирования поверхности земли, ГИС-технологий и т.д. открывают новые возможности и перспективы перед белорусской геоботанической наукой.

*А.В. Пучило,
кандидат биологических наук,
заведующий лабораторией геоботаники и картографии
растительности Института экспериментальной
ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси*

НАСТОЯЩИЙ УЧЁНЫЙ И ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В краю нетронутых болот

Первый раз я услышал о Викторе Степановиче Гельтмане еще в студенческие годы. Руководитель преддипломной практики В.П. Григорьев показал мне статью в журнале «Доклады АН БССР» со сложным для непосвящённых названием «Эдафо-фитоценотические связи коренных лесных формаций, типов леса и лесных ассоциаций Белоруссии» и сказал: «Прочитай внимательно, эта статья может лечь в основу твоей дипломной работы. Автор – В.С. Гельтман является одним из ведущих лесоведов, он трезво мыслит, хорошо пишет, а главное – большой эрудит».

У статьи было два автора. Первым значился академик И.Д. Юркевич, и почему мой учитель рекомендовал мне второго автора, я тогда не понимал.

Было это в 1971 году. В.П. Григорьев руководил дипломными работами у пяти выпускников. Все мы защитились на «отлично», получили долгожданные дипломы о высшем образовании, и, как водилось в семидесятые годы прошлого столетия, собрались с руководителем за чашкой чая. До полуночи разговаривали о прошедших годах учёбы, вспоминали эпизоды из студенческой жизни и, конечно, делились планами на будущее. В тот вечер я признался В.П. Григорьеву, что меня вызывали в деканат и предложили перерасделиться: вместо Рогачевского лесхоза уехать в Березинский заповедник, на научную работу.

Однако, чтобы принять такое решение, нужно было подписать письмо у тогдашнего Министра лесного хозяйства С.Т. Моисеенко о согласии на перераспределение, т.к. Березинский заповедник в то время подчинялся Министерству сельского хозяйства СССР. И второе, Березинскому заповеднику требовался специалист по лесному почвоведению, а моя

дипломная работа была посвящена типологии лесов Светлогорского лесхоза. При переходе на работу в Березинский заповедник нужно было поступать в аспирантуру на кафедру лесного почвоведения, что требовало искать нового руководителя диссертационной работы. В.П. Григорьев дал такой совет: «Руководителя почвоведом мы подыщем, а оппонировать диссертационную работу буду я. Поэтому езжай на работу в Березинский заповедник, там заведешь знакомство с ученым миром, увидишь девственные леса и болота».

Так я оказался младшим научным сотрудником Березинского заповедника. В то время научным отделом руководил П.Г. Козло, который пытался реорганизовать научную работу и перейти от мелкотемья в научных исследованиях «под специалиста» к решению крупных природоохранных задач. Главное управление по охране природы и заповедникам Министерства сельского хозяйства СССР ввело в состав Научного совета известных белорусских ученых: академика И.Д. Юркевича, докторов наук М.С. Долбика, Л.П. Смоляка, Л.М. Сущенко, П.И. Жукова, В.И. Парфенова, А.В. Бойко, кандидатов наук (на то время) В.С. Гельтмана, Е.А. Сидоровича. Совет был очень боевой и принципиальный. Иногда заседания проходили по 10-12 часов, бывало, что не управлялись и переносили заседание на другой день.

О чем были споры? Главная тема научных дебатов – что такое «заповедник» и какое научное направление необходимо развивать в заповеднике. Большой опыт ведения научных исследований на особо охраняемых природных территориях имелся в заповедно-охотничьем хозяйстве «Беловежская пуща». Но когда заходил вопрос о создании научного отдела по аналогу структурного подразделения в Беловежской пуще, неизменно В.С. Гельтман спрашивал коллег: «Что такое заповедно-охотничье хозяйство? Охота для одних и заповедание для других? А что творится в Беловежской пуще в связи с перенаселением оленя, дикого кабана? Разве там можно проследить естественные процессы развития лесных экосистем?».

А потом начинал говорить о Березинском заповеднике: «Это, в первую очередь, нетронутые болота, это верховье реки Березины, где формируется гидрологический режим Верхнеберезинской низины. Нужно организовывать длительные стационарные исследования».

Мы, молодые научные сотрудники заповедника, во многом были сторонниками взглядов В.С. Гельтмана на основы заповедного дела. Виктор Степанович казался нам эталом Дон-Кихотом от науки. Он любил яростно спорить, и свои взгляды всегда отстаивал до хрипоты, невзирая на ранги и чины оппонентов.

Благодаря В.С. Гельтману, при лесоустройстве заповедника в 1976 г. были заложены три геоботанических профиля, которые стали в дальнейшем основой для организации стационарных исследований в Березинском заповеднике.

После одного из бурных научных советов заповедника, я подошёл к В.С. Гельтману и начал высказывать свою точку зрения на организацию научных исследований на особо охраняемых территориях. До этого разговора я побывал в таких заповедниках, как «Беловежская пуща», «Припятский», «Кавказский», «Приокско-Террасный», «Воронежский», «Хоперский» и др. На мой взгляд, все научные исследования в заповедниках имели один недостаток: тематика формировалась не в целях общих интересов конкретного заповедника или заповедного дела, а под отдельного специалиста. Например, пришел в заповедник специалист-энтомолог узкого профиля, вот под него и формировалась научная тематика. Вторая беда заповедной науки – отсутствие преемственности в научных исследованиях. Многие научные материалы, которые накапливались годами, бесследно исчезали или уносились исполнителями. Мне в ту пору казалось, что единственный человек, из приезжавших на Научный совет, который искренне болеет заповедным делом – это В.С. Гельтман.

Это удовольствие – быть «лошадкой»

В 1975 г. наши хорошие отношения с Виктором Степановичем перешли в дружеские. Приезжая в Березинский заповедник, он останавливался ночевать у меня дома. Я мог по достоинству оценить его человеческие качества, богатство души. В то время у меня было двое маленьких детей, которые очень любили играть с «дедушкой Витей». Однажды, когда мы с женой занимались на кухне, маленький сын, которому было около 3 лет, забрался на шею Виктору Степановичу и стал требовать играть с ним в «лошадку». Виктор Степанович подпрыгивая, с ребёнком на шее, изображал лошадку, бегал по квартире и выполнял все пожелания маленького наездника. Мне в ту пору казалось, что возраст и должность Виктора Степановича не позволяет ему заниматься с малышами. Когда я сделал замечания сыну, что наш гость уже немолодой и его не стоит мучить, Виктор Степанович сказал: «Я получаю большое удовольствие от общения с малышами и мне очень приятно быть «лошадкой»». Какое удовольствие пожилому человеку общаться с несмышленными малышами я понял только через много-много лет, когда появились собственные внуки.

Часто наша беседа продолжалась далеко за полночь. Виктор Степанович был очень эрудированным человеком, хорошим эмоциональным рассказчиком. Он обладал глубокими познаниями в истории, музыке, писал стихи и рассказы, был великолепным научным редактором. После его правки статья молодого ученого приобретала особый блеск. Однако не всегда можно было «всучить» В.С. Гельтману свою статью. Сначала он, хитро улыбаясь, спрашивал, о чем она, как и где автор собирал материалы. Но если он брался за редактирование, то статья приобретала глубину, текст избавлялся от всего лишнего.

В 1979 г. я был назначен заместителем директора по научно-исследовательской работе Березинского заповедника. Необходимы были преобразования в научном отделе. Естественно, я держал совет с Виктором Степановичем, зада-

вая ему извечный вопрос «Что делать?». После долгих раздумий и переговоров было принято решение о необходимости растить новые молодые кадры. Подбирать для работы выпускников ВУЗов и готовить из них специалистов заповедного дела.

Только с 1980 по 1990 годы в Березинском заповеднике сотрудниками подготовлено и защищено 8 кандидатских диссертаций (М.В. Кудин, В.В. Валетов, Д.Д. Ставровский, Л.А. Ставровская, В.М. Натаров, И.И. Бышневу, В.С. Ивкович, Е.Н. Ивкович). Практически все диссертационные работы просматривались и редактировались В.С. Гельтманом.

Чиновный вандализм

Виктор Степанович питал особое отношение к Березинскому заповеднику. Преддипломную практику и подготовку диплома В.С. Гельтман провёл в Березинском заповеднике. Виктор Степанович показывал фотографию, на которой он в урочище «Залазы» стоит на деревянном шлюзе, построенном еще в 1804 г. Но была еще одна причина, почему он по-особому относился к Березинскому заповеднику. Об этой причине я узнал намного позже, когда начал работать совместно с художниками над созданием музея природы.

При разработке плана экспозиции музея, было решено, при входе в него оформить выдержку из Постановления Совета Народных комиссаров БССР от 30 января 1925 года:

«В целях охраны и размножения ценных диких животных и пернатой дичи, в особенности речных бобров, Совет Народных Комиссаров БССР постановляет: учредить государственный охотничий заповедник в Борисовском округе по течению реки Березины от северной границы Округа до реки Ельницы, на пространстве до 60000 десятин».

*Зам. Председателя Совета
Народных Комиссаров БССР
(С. Гельтман)
за Управляющего делами СНК
(Крендель)
30 января 1925 года*

Художники, работавшие в музее, при входе в него красочно оформили выдержку из постановления с подписью С. Гельтмана. Виктор Степанович всегда интересовался оформлением музея природы, делал много подсказок и пожеланий. Мне казалось, что в нем бурлила душа юноши-романтика. Он много фантазировал, увлекался новой идеей, горячо спорил по поводу, иногда и без повода. Когда он увидел выдержку из постановления СНК с подписью своего отца, то в глазах появился блеск. Он очень гордился своим отцом и был доволен, что его имя вспомнили. Однако радоваться пришлось не долго. Из Минска приехал чиновник от науки, его повели показывать оформление музея. Увидев упомянутую выписку об организации заповедника с подписью С. Гельтмана, вызвал директора заповедника и сказал: «Уберите эту неблагозвучную фамилию, а саму выдержку оставьте». Как мы ни уговаривали чиновника, что это будет неправильно, так как это исторический факт и фамилия Гельтман имеет свою длинную историю, он настоял на своем.

Фамилии Гельтмана и Кренделя были удалены, и на стене остались грубые шрамы. Виктора Степановича, конечно, самодурство чиновника обидело, но он не показывал вида. Однажды я ему рассказал всю правду, кто и как приказал убрать надпись на Постановлении СНК с фамилией его отца. Не знаю, высказывал ли он свое возмущение в каких-либо инстанциях или нет. Это останется навсегда тайной.

Славный род. Богатые традиции

Родословная семьи Гельтманов интересная.

Прадед, Виктор Гельтман, родился в д. Верховичи Каменецкого района Брестской области. Участник восстания 1830-1831 гг. в Польше, Беларуси и Литве. Принимал участие в подготовке Краковского восстания 1848 г., руководитель обороны Дрездена во время революции 1848-1849 гг. в Германии. Являлся одним из авторов манифеста польского демократического союза.

Отец Виктора Степановича, Стефан Леонидович, окончил Ягеллонский университет в Кракове в 1912 г. В студенческие годы являлся редактором журнала «Голос». В 1915 году переехал в г. Минск, где стал одним из организаторов Польского социалистического объединения, председателем правления его минской группы, основателем и редактором его печатного органа «Польская правда». После февральской революции 1917 г. – член большевистской фракции Минской городской думы, комиссар Минской по польским делам Западных областей.

В 1919 г. его назначают заместителем наркома земледелия и лесного хозяйства Литовско-Белорусской ССР, заведующим отделом Минского Губревкома, с 1921 г. секретарём Польского бюро ЦК РКП (б). В 1924-1925 гг. Стефан Гельтман – нарком земледелия, председатель Госплана, экономического совета и заместитель председателя СНК БССР. С 1925 г. – ректор Коммунистического университета Беларуси в Минске, одновременно с 1927 г. заведующий польским сектором Института белорусской культуры. В 1930 г. переведен на работу в Москву в Наркомат зерносовхозов СССР. Он является автором многих научных трудов по аграрному вопросу Беларуси, об участии поляков в Октябрьской революции. В 1937 году репрессирован и расстрелян.

Вот такая краткая история «неблагозвучной» фамилии Гельтман, описана она в Белорусской советской энциклопедии.

Незабываемый запах домашних пирогов

Однажды, где-то в году 1980, мы с Виктором Степановичем вместе собрались ехать в командировку в г. Пушкино, что под Москвой. В то время купить билет до Москвы, особенно на «двойку» было делом не простым. Я через своих друзей с трудом достал два билета на «четверку» в вагоне «СВ», что было по тем временам несколько дороже, чем в купе. Чтобы бухгалтерия оплатила проезд в «СВ», нужно было веское обоснование и отдельное разрешение дирекции. Но других билетов не было. Всю ночь мы говорили о жизни, о науке. Поезд в Москву прибыл в 6 утра. Оставалось еще три

часа до отправления автобуса из Москвы до Пущино. Мы решили скоротать время в зале ожидания Белорусского вокзала, перекусить в буфете и затем добираться до автобуса. Пошли на вокзал, нашли свободное место, немножко посидели. Виктор Степанович минут через пятнадцать-двадцать говорит: «Михаил Васильевич, ты карауль вещи, а я похожу по вокзалу». Его не было часа два. Я начал волноваться: «Может быть, что-то случилось?». Но мой попутчик вскоре появился, возбужденный, глаза горят. Я начал подшучивать над ним. Мол, доктор наук, а бегаёт по вокзалам, что-то ищет. Виктор Степанович только вздыхал и ничего не говорил. Вечером, когда мы уже разместились в гостинице и начали устраиваться ко сну, он начал свой рассказ, почему долго утром отсутствовал:

«В 1930 году отца перевели на работу в Москву. Нам выделили двухкомнатную просторную квартиру, с высокими потолками и большой прихожей на первом этаже возле Белорусского вокзала по ул. Тверской (в то время ул. М. Горького). Отец работал в Наркомате зерносовхозов. Мама знала несколько европейских языков и преподавала польский язык в военной академии. Мое детство было счастливым. В выходные дни, когда отец был дома, мы всей семьей ходили в зоопарк, кино и просто гуляли по городу. У нас дома была большая библиотека. Книги были на немецком, польском, французском, русском и белорусском языках. Мама мне и моей сестре, которая была старше меня на несколько лет, уделяла много внимания. Мы читали сказки и сочиняли их сами. Мама по выходным накрывала праздничный стол, вкус и запах домашних пирогов помню по сей день. Беда, как всегда нагрянула внезапно. Ночью, когда мы все спали, пришли сотрудники НКВД и арестовали отца. Утром, когда я проснулся, увидел дома беспорядок. По всей квартире были разбросаны вещи и книги. Мама, сестра и я долго-долго приводили квартиру в порядок. Через некоторое время пришли за мамой, меня и сестру разбудили, одели и выставили из квартиры. Квартиру опечатали. На маму надели наручники и куда-то увели. Хорошо помню, как мама говорила сестре: «Христина,

не оставляй Витеньку, я скоро вернусь. Разберутся и меня отпустят». Отца и маму я никогда больше не видел. С сестрой мы просидели в нашем подъезде до утра. Затем пришли какие-то незнакомые люди, и повели нас в детский приемник-распределитель. Нас предварительно решили распределить в разные детские дома. Сестра начала плакать, а я уцепился за нее и никак не отпускал. Сердобольная женщина из комиссии по распределению, увидев такую сцену, решила нас отправить в один детский дом в г. Демидов Смоленской области. Мотивировка была такой, сестре скоро исполнится шестнадцать лет и она сможет брата забрать из детского дома. С июля по декабрь 1941 г. мы находились на временно оккупированной территории. В декабре с сестрой чудом перейдя линию фронта, оказались в Татарстане. Здесь я закончил ФЗО и меня направили на работу масленщиком волжского пароходства «Волготанкер». С 1943 по 1947 гг. ходил по Волге. Я был маленького роста и на вид всегда казался пацаненком. Время было голодное, мы часто перевозили рыбу, которая являлась основным продуктом питания.

Переезд в Беларусь

В 1947 году мы с сестрой решили переехать жить в Беларусь. Я устроился работать слесарем на деревообрабатывающий завод. В Минске закончил с медалью среднюю школу рабочей молодежи и поступил учиться в Белорусский лесотехнический институт им. С.М. Кирова, который с отличием закончил в 1954 году. Во время учебы в институте продолжал работу на деревообрабатывающем заводе. Жил в студенческом общежитии, куда часто заходил Леонид Петрович Смоляк, бывший фронтовик, уже в то время закончивший аспирантуру при Институте леса АН БССР. Он часто с большим интересом рассказывал о научных экспедициях по изучению лесов нашей республики. Здесь у меня зародилась мысль о поступлении в аспирантуру. Была одна сложность. Меня считали сыном «врагов народа», что могло послужить серьезным барьером для дальнейшей учёбы. Помочь взялся Л.П. Смоляк. Он работал в лаборатории академика И.Д. Юркевича,

от которого зависела моя дальнейшая судьба. Не знаю, какие доводы приводил Л.П. Смоляк в разговоре с И.Д. Юркевичем, но он дал свое согласие на мое поступление в аспирантуру. В 1954 г. я поступил в аспирантуру и закончил её в 1957 году. Моего отца, Гельтмана Стефана Леонидовича, полностью реабилитировали в 1956 году.

Когда Институт леса переехал в Гомель, мне пришлось работать таксатором в 1953-1954 гг: устраивал колхозные леса. В 1957 г. летний сезон отработал во второй Минской аэрофотолесоустроительной экспедиции».

Ранний уход в вечность

Виктор Степанович был весьма авторитетен в среде ученых-лесоведов. Он всегда с интересом и азартом вел научные дискуссии. Благодаря ему известные ученые, которые приезжали в Минск в Институт экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича или на различные конференции и совещания, как правило, посещали и Березинский заповедник. Здесь мы организовывали выезды на экологические профили и стационары, показывали станцию комплексного фонового мониторинга. Благодаря ему в Березинском заповеднике ежегодно проводились союзные или международные совещания различных научных направлений, в том числе в 1983 году – I Международный конгресс по биосферным заповедникам, в котором приняли участие представители более чем 45 стран мира. Виктор Степанович щедро делился своими знакомствами с сотрудниками заповедника. Заповедник довольно регулярно посещали известные ученые В.И. Василевич, С.А. Дыренков, О.Г. Чертов, В.Д. Лопатин, Н.И. Пьявченко, В.М. Вайгис, В.В. Мазинг, В.Л. Рашек, Ю.Л. Язан, А.Л. Насимович, Л.П. Рысин и многие другие.

Оглядываясь на прошедшее время и оценивая вклад В.С. Гельтмана в заповедную науку, следует отметить, что благодаря ему Березинский заповедник в свое время занимал одно из лидирующих положений среди заповедников Советского Союза и даже Европы.

К большому сожалению, Виктор Степанович очень рано ушел из жизни. Последний раз мы с ним общались буквально за несколько дней до его ухода в вечность. У меня тяжело болел отец и мне пришлось ехать на родину. Как обычно, я заехал в Институт экспериментальной ботаники АН БССР, где проводывал своих друзей и знакомых. Зашел и к Виктору Степановичу, который был в приподнятом настроении, радовался предстоящему отпуску. Рассказал, что с женой, Софьей Романовной, едет к ней в деревню, отоспится и будет ежедневно ловить рыбу.

Через две недели, когда я приехал от родителей в заповедник, узнал страшную новость, что скоропостижно на рыбалке скончался Виктор Степанович Гельтман.

По сей день белорусской геоботанической науке не хватает такого энергичного, думающего, творческого человека. Мне не достает старшего товарища, с которым было всегда приятно пообщаться, поговорить о проблемах и «ни о чем», а иногда поплакаться «в жилетку».

*М.В. Кудин,
кандидат сельскохозяйственных наук,
старший научный сотрудник Института эксперимен-
тальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси*

БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ

Я познакомилась с Виктором Степановичем Гельтманом в октябре 1960 г. на конференции по болотным ландшафтам в городе Тарту (Эстония). Конференция, отлично организованная, с участием многих известных ботаников, с большим числом докладчиков и слушателей, произвела на меня неизгладимое впечатление – это была моя первая научная конференция.

Город Тарту, с европейским обликом и бережно хранимыми чертами средневековья, казался необыкновенно интересным и загадочным. Впервые оказавшись в такой ситуации, я старалась не только внимательно слушать доклады, не всегда мне понятные, но и походить по городу, виды которого были знакомы по книжным иллюстрациям. На таком фоне оставалось мало места для общения с участниками, и я старалась держаться белорусской делегации, которая была довольно многочисленна, но состояла в основном из мало знакомых мне специалистов. Возглавлял делегацию Иван Данилович Юркевич вместе с Леонидом Петровичем Смоляком. Среди белорусов внимание привлекал молодой человек, невысокий, стройный с живым веселым взглядом, но явно понимающий превосходство ботаника над почвоведом и поэтому не расположенный к разговорам со мной; мы, однако, познакомились, и началась наша дискуссия о ведущей роли растений в почвообразовании.

В дальнейшем мы встречались в Минске на разных совещаниях и собраниях как добрые знакомые и привычно затевали извечный спор. Виктор Степанович оперировал логикой, обильно приправленной юмором. Я не сдавалась, и со временем мы пришли к согласию. Вопрос обсуждался уже на достаточно высоком научном уровне, и спорщики расходились довольные. От встречи к встрече ботаник начал признавать необходимость изучать почву вместе с растениями, и мы стали друзьями.

Меня стали приглашать к участию в тренировочных выездах в лес работников лесоустройства перед началом полевого сезона. Теперь споры велись у почвенных разрезов и касались существа взаимосвязи почвы и растения, а иногда и чисто почвенных проблем.

В весеннем лесу с пышным развитием цветущей ветреницы дубравной В.С. Гельтман преображался из уверенного в себе ученого в трепетного любителя, всем существом воспринимającego гармонию и красоту живой природы. Лежа под деревом среди россыпи нежных белых цветков, он читал стихи, свои стихи – о лесном ручье, о ягоде земляничке... Мы все слушали, затаив дыхание. Искренность слов и свежесть чувства свидетельствовали не только о литературных способностях, но, прежде всего, о богато одарённой натуре автора.

Не помню, в каком году в Березинском биосферном заповеднике мы подбирали место для постоянной пробной площади в сосновом лесу, где почвы не носили бы следов старой распашки, и за целый день с трудом нашли участок площадью около гектара. В конце рабочего дня участники экспедиции, как обычно, собрались утолить голод, разостлав на траве лист бумаги и сложив на него взятые из дома незатейливые припасы. Виктор Степанович развернул сверток, а в нем, вместо стандартных бутербродов, оказалось настоящее кулинарное изделие, вызвавшее общий восторг. Владелец «шедевра» объяснил: «Сонюшка приготовила!». В этой простой фразе, в улыбке, в блеске глаз были и нежность, и гордость, и любовь. Окружающие не могли этого не заметить и ощутить нечто вроде зависти от сознания, что хорошо знакомый человек обладает даром необыкновенных чувств, доступных лишь немногим. На минуту вся компания притихла, но общее оживление тут же вернулось. Я для себя сделала вывод, что с нами по-настоящему счастливый человек.

В последние годы жизни Виктора Степановича мы изредка встречались за дружеской беседой у нас дома, но чаще у исследователя Памира, известного геоботаника, Окмира Егишевича Агаханянца и его жены, Лидии Александровны, на

улице Гамарника. Во время этих встреч Виктор Степанович обычно говорил немного, но убедительно. Можно было заметить, как осторожно он формулировал свои возражения в спорах, стараясь не раздражать противника. Он был интересным собеседником с широким кругозором сведений самого разного рода. Все члены нашего небольшого кружка знакомых семей также были свидетелями, и выражали свою радость, видя, как преобразился наш друг, когда его жизнь озарилась настоящим человеческим счастьем. В уютном доме возле Комаровского рынка, где он являлся любезным хозяином, приветливым и заботливым, мы несколько раз встречались с сыном Виктора Степановича – Дмитрием Гельтманом, который приезжал из Ленинграда, и с давним другом Константином Чубановым, всегда вместе с женой – Софьей Романовной, нетрудно представить, какую роль сыграла в жизни В.С. Гельтмана эта удивительная женщина. Счастье их было обоюдным, но, увы, недолгим...

Виктор Степанович делился с друзьями научными идеями и планами, в которых имело место намерение обрести в своем коллективе «лесного почвовед». На эту роль подходила моя дочь – Марина Львовна Романова – выпускница географического факультета Белгосуниверситета. Она поступила на работу в Институт экспериментальной ботаники АН БССР. В.С. Гельтман брал на себя подготовку кандидата наук по вопросам лесоведения, а почвенной частью по его просьбе согласился руководить известный московский почвовед, доктор биологических наук, профессор МГУ Л.О. Карпачевский. К сожалению, этому не суждено было осуществиться, но старания В.С. Гельтмана, после ухода его из жизни, продолжил академик В.И. Парфенов.

Через 30 лет после смерти Виктора Степановича Гельтмана в памяти возникает образ большого ученого, профессионала в своей области, знатока родной природы, но, пожалуй, прежде всего, человека, мировосприятие которого близко к тому, что немецкий философ и общественный деятель Альберт Швейцер выразил, как «благоговение перед жизнью».

Я рада, что в прошлом имела возможность общаться с таким ученым и светлым человеком.

*Т.А. Романова,
доктор биологических наук, профессор
в 1958-2012 гг. научный сотрудник Института
почвоведения и агрохимии НАН Беларуси*

ВСПОМИНАЯ О ВИКТОРЕ СТЕПАНОВИЧЕ ГЕЛЬТМАНЕ

Вспоминаю, когда я в 1983 г. пришла в кабинет Виктора Степановича Гельтмана (в 402 комнату), то первое впечатление – этот человек похож на библейского старца, пережившего переход через Черное море и 40-летние скитания по пустыне. Лицо его было четко очерчено, хотя и изборождено глубокими морщинами, на лбу шрам, однако живые голубые глаза располагали к общению. Он был довольно стройный, небольшого роста, одет в черный хороший костюм, как-то еще не очень прилаженный к его фигуре.

Мы поговорили о чем-то общем, он спросил о дипломе, отметил, что название «Дешифрирование почвенного покрова по прямым и косвенным признакам» ему нравится, и он будет стараться взять меня в аспирантуру. Я закончила географический факультет Белгосуниверситета по кафедре почвоведения, а моя мать, Татьяна Александровна Романова, будучи почвоведом, давно плодотворно сотрудничала с лесоводами, и поэтому Виктор Степанович хотел иметь в своей лаборатории специалиста-почвоведа. Помню, как он отвел

меня в совсем маленькую 401 комнату и представил будущим коллегам: В.В. Маврищеву, В.Д. Гуцевичу и П.В. Парфенову, и показал место, где буду сидеть. Познакомившись с товарищами, разговорились, и Павел Парфенов сказал, что тоже собирается в аспирантуру к Виктору Степановичу изучать макрофиты, а Виктор Маврищев защитился у него три года назад по напочвенному покрову Беловежской пуши. Они рассказали, что в лаборатории, кроме группы заведующего, в которой были Е.Г. Петров, И.Ф. Моисеенко, И.М. Качановский, Л.И. Бережная, Д.П. Нелипович, Н.А. Короткевич, есть группы В.Г. Реуцкого и А.И. Русаленко. Когда мы вышли в коридор, мои коллеги познакомили меня с П.А. Родионовым, Б.И. Якушевым и Г.Ф. Рыковским. Запомнилось, что по довольно темному коридору все время торопливо передвигались научные работники, и это произвело впечатление, похожее на атмосферу в фильме «Солярис». Я как-то немного расстроилась и сказала маме, что В.С. Гельтман очень стар и едва ли «потянет» еще одного аспиранта.

Однако Виктор Степанович Гельтман оказался изумительным человеком: разносторонним, начитанным, остроумным, к тому же писал стихи, иногда казался по-детски доверчивым, даже позволял подшучивать над собой. Вместе с тем, в нем чувствовался внутренний стержень, он был хорошим организатором, знал, кто чего стоит и куда кого поставить, чтобы достичь нужного результата. Я была очень удивлена, когда узнала, что Виктору Степановичу лишь 56 лет, и он только пять лет назад, как возглавил лабораторию продуктивности и водного режима фитоценозов. При этом он не так давно женился во второй раз на очень милой сотруднице из лаборатории геоботаники Софье Романовне Бусько, ставшей верной подругой и соратницей, хранительницей их уютного дома.

Так сложилось, что наши семьи давно дружили с семьёй известного геоботаника Окмира Егишевича Агаханянца, а впоследствии стали встречаться вместе. В память особо вре-

залось, как Виктор Степанович с Окмиром Егишевичем спорили о личностях вождей Сталина и Ленина: Агаханянц считал их одинаковыми тиранами, а Гельтман был приверженцем Ленина, даже стихи ему посвящал, и стоял за него твердо. В одну из наших встреч, О.Е. Агаханянц – специалист по Азии, показывал карту, где его рукой были обозначены линии, по которым когда-нибудь будет распространяться исламизм. В.С. Гельтман, внимательно посмотрел на нее и сказал, что, возможно, это будет исламский пояс, и затронет он даже Европу, мне тогда это казалось маловероятным.

Виктор Степанович каким-то образом «видел» стратегические линии и в лесной науке. Ко времени моего прихода в лабораторию он сосредоточил основные научные усилия на мониторинговых исследованиях в Березинском биосферном заповеднике, предвидя, что это будет все более востребовано в индустриальном обществе. Здесь его соратниками были заместитель директора по научной работе М.В. Кудин и сотрудник заповедника Д.П. Нелипович. Их общими усилиями были заложены три больших геоботанических профиля: северный, центральный и южный, развернута сеть стационарных пробных площадей (СПП), на каждой из которых определялись основные таксационные параметры, составлялся точный план насаждений, закладывался почвенный разрез и ежемесячно отбирались образцы доминантов напочвенного покрова, подстилки и почвы по горизонтам, а так же коры, сосновых веток, опада. На основных СПП проводили метеорологические наблюдения. В лабораторных условиях определяли биофильные элементы и тяжёлые металлы в системе «растение – подстилка – почва». Таким образом В.С. Гельтман успешно создавал мощную научную базу, систематизировал информацию по мониторингу лесных формаций на сукцессионной основе, и много сделал, причем не только в заповеднике, но и в целом по всей республике. Даже название своей лаборатории изменил – она стала называться лаборатория фитомониторинга. К сожалению, в Березинском заповеднике удалось заложить полный эдафо-фитоценотический ряд только в самой представительной формации – сосновой.

На основе заложенных в заповеднике СПП, я, уже после безвременной кончины Виктора Степановича подготовила свою диссертацию «Ценотическая структура и эдафические особенности нижних ярусов сосновых фитоценозов Березинского биосферного заповедника».

Первым заданием, которое поручил мне в лаборатории Виктор Степанович, было вносить изменения в картографические материалы нового лесоустройства и выделять лесотипологические территориальные комплексы (ЛТК) по лесничествам Березинского биосферного заповедника. Надо было внимательно, следуя разработанной им инструкции, наносить на кальку и закрашивать цветными карандашами в соответствующие формациям цвета, новые контуры выделов, отмечать номер типа леса. Он сам проверял работу, и затем изготавливалась новая карта. На одно лесничество уходило несколько месяцев, теперь это делается максимум за неделю. Карта ЛТК заповедника была полностью создана только в 1990 г.

Особое место в жизни лаборатории занимали экспедиции. Обычно экспедиция длилась около месяца, примерно раз в неделю переезжали с места на место. Начальником экспедиции всегда был Игорь Федорович Моисеенко. Часто к нам присоединялись представители лаборатории почвенной энзимологии – заведующий лабораторией, друг и однокурсник Виктора Степановича, Н.Ф. Ловчий и его сотрудник А.Л. Ефремов. Помню, что воду даже для еды часто брали из рек, а одну банку тушенки делили на восемь-девять человек. Жили в палатках, еду готовили в палатке-кухне, где сначала выкапывали почти почвенную яму, на борт ямы ставили газовую плиту, все члены экспедиции по очереди готовили пищу и дежурили по лагерю. В.С. Гельтман имел отдельную палатку, спальник у него был пуховый, а не ватный, как у нас. По лесу он ходил с палкой из орешника и был похож на старичка-лесовичка, все знающего про этот лес. В Полесье велись мелиоративные работы, и мы исследовали влияние осушения на лес. Также, как и Березинском заповеднике, закладывали

пробы со всем тщанием, каждый член экспедиции четко знал свои основные обязанности, помогая, если нужно, товарищам. Так, в частых экспедициях прошли первые два года в Институте, и это стало важным этапом в жизни и памятным, приятным временем. Днем работа на пробах, вечером личное время в лагере. В.С. Гельтман любил посидеть с удочкой, Н.Ф. Ловчий и В.Д. Гуцевич плели корзины и сувенирные лапти, И.Ф. Моисеенко охотился на уток, молодежь играла в бадминтон.

В последнюю экспедицию на Полесье в 1985 г., В.С. Гельтман стал ложиться рано, и когда мы вечером громко смеялись, поругивал нас, говорил, что мучает язва. Мы знали, что он очень много пережил – его родителей репрессировали, квартиру в Москве отобрали, бабушка, которая жила с ними, пропала. После падения в такую бездну, он долго поднимался, окончив школу только в 1948 г., поступил в Белорусский лесотехнический институт. После окончания института ему повезло – академику И.Д. Юркевичу нужны были умные и творческие люди в его команду. Так Виктор Степанович попал на работу в Институт экспериментальной ботаники. Лес и наука о лесе стали смыслом его жизни. Если вдуматься, что сейчас все работают на компьютерах, и вроде бы много печатаются, но книга Виктора Степановича, написанная от руки «Географический и типологический анализ лесной растительности Белоруссии», изданная в 1982 г., до сих пор является геоботаническим научным бестселлером, на который ориентируются геоботаники, лесоводы, экологи. Таких книг могло бы быть несколько...

За свою в общем-то короткую жизнь Виктор Степанович много сделал для развития теории лесной типологии на основе изучения эдафо-фитоценологических, сукцессионных и зонально-климатических взаимосвязей лесных формаций, разработал принципы геоботанического районирования и картографирования лесной растительности, обосновал положение о ЛТК, разработал основу для составления региональных кадастров типов леса. Виктор Степанович также вел популярную телепередачу на белорусском телевидении

«Природа и мы», которая выходила по субботам и затрагивала многие экологические проблемы, в конце передачи была викторина. Зрители живо реагировали на представленные сюжеты, писали письма, Виктор Степанович с удовольствием зачитывал нам ответы на вопросы викторины. Он любил составлять целый ряд вопросов, и затем спрашивал у нас, какой вопрос для любителей природы будет самым сложным и интересным.

В ту экспедицию Виктор Степанович старался быть ближе к лагерю, его заинтересовала слоистость почвенного профиля, образовавшаяся от половодий на пойменном лугу на р. Уборть. Мы описывали почвенный разрез, когда неожиданно нашу работу прервало появление большого стада коров, заставившее нас быстро зарисовать и затем закопать шурф. Когда мне вновь в 2014 году довелось побывать на этом месте, луга уже не было, лес отобрал обратно землю, когда-то отнятую у него человеком. Запомнилось также, как на праздник Ивана Купала все участники экспедиции собрались у костра. Дежурные приготовили вареные куриные яйца: видя то, что народ был недоволен скромным ужином, Виктор Степанович вдруг сказал, что когда он и сестра Христина находились в детдоме и сильно голодали, на Пасху какие-то сердобольные люди подарили им по крашеному яйцу, но они решили, что дети коммунистов не могут есть такое, подошли к проруби и бросили яйца в воду. Все замолчали, а шофер Коля Олейник (до нас он работал водителем у Кондрата Крапивы), сказал, что из этого случая поэт написал бы басню. Последний лагерь был разбит на р. Припять в 5 км от деревни Переров. По Припяти шли баржи из Украины и «Ракеты» от Пинска до Киева: можно было проголосовать и «Ракета», как такси, пришвартовывалась к берегу. Так добирались до магазина, а В.Д. Гуцевича отправили на ней в Наровлю, где он когда-то работал после института: в результате, «добытчик» привез целый ящик конфет «Коровка». Виктор Степанович очень радовался конфетам, и было ясно, что в детстве он мечтал даже о кусочке сахара.

Однажды утром В.С. Гельтман и Н.Ф. Ловчий на «Ракете» отправились в Туров, чтобы оттуда попасть в Минск, а мы остались выполнять задание, переехав в район г. Хойники. Впоследствии многие заложенные в ту экспедицию пробы оказались в местах, загрязненных радиацией. Никто тогда не мог представить, что до Чернобыльской катастрофы остается меньше года, а жить Виктору Степановичу, отмерено всего две недели. Больше живым мы Виктора Степановича не видели.

Утром, 21 августа 1985 г., позвонил И.Ф. Моисеенко, позвал маму и сообщил ей скорбную весть. Помню, как мы, сотрудники лаборатории, собрались в опустевшем кабинете Виктора Степановича, и были в большой печали, понимая, что наступает для нас тяжелое время сиротства. Не проходит дня, чтобы не вспомнился светлый образ этого талантливого, глубоко порядочного, романтического, много сделавшего человека, жившего в очень непростое время.

*М.Л. Романова,
кандидат биологических наук,
ведущий научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН*

С ЛЮБОВЬЮ К ЖИЗНИ

С Виктором Степановичем Гельтманом мне посчастливилось работать в Институте экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича в 1977-1985 годах. Период небольшой, если еще вычесть два года, отданные армии. Но память хранит самые светлые воспоминания об этом необыкновенном человеке. И портрет на видном месте в рабочем кабинете – дань глубокого уважения ему, его вкладу в лесную науку.

Молодые ученые любили Виктора Степановича. Он был открыт, контактен, доброжелателен, без присущего иным докторам наук налета официоза и чопорности. Восхищала и притягивала многогранность его интересов, широчайшая эрудиция, способность высказать обоснованное суждение по любой, казалось бы, самой непростой проблеме ботанической науки. В свою очередь Виктор Степанович с удовольствием общался с молодыми исследователями. Ему импонировал азарт познания в их глазах, способность абстрагироваться от научных догм. Под благотворным влиянием Мэтра сформировалась целая плеяда перспективных ученых.

При всей своей доступности и простоте в общении В.С. Гельтман не был человеком, с которым можно было бы допустить панибратские отношения. В его облике и поведении всегда присутствовала незримая нотка чувства собственного достоинства, которая оберегала внутренний мир от непрошенных вторжений и превратностей взаимоотношений в научной среде.

Настоящий патриот, Виктор Степанович всем сердцем служил делу, которому посвятил свою жизнь. Он искренне переживал, когда его точку зрения и устремления не понимали или не принимали, в особенности в силу каких-то субъективных причин. Выступления на заседаниях Ученого совета, других собраниях были продуманы, содержательны, эмоционально окрашены. Нередко они открывали жаркие

дискуссии и полемику. Однако ни у кого не вызывали сомнений глубокие познания и научный профессионализм Виктора Степановича.

Именно поэтому весной 1984 года я пришел к нему за советом при выборе темы диссертационной работы. Узнав, что хочу заняться березами, Виктор Степанович, как мне показалось, поначалу несколько насторожился. Да и было отчего: наряду с его диссертацией и серией статей по типологии и структуре березняков к этому времени березы были с разных позиций изучены К.Д. Чубановым, Е.Г. Петровым, Г.И. Кабашниковой, В.В. Маврищевым и другими учеными. Однако поняв, что меня интересуют редкие виды берез, произрастающие у нас на границах ареалов (карельская береза, черная, карликовая, приземистая), «потеплел» и мы долго обсуждали этот близкий ему научный объект.

Виктор Степанович поддержал и, образно говоря, «благословил» меня на изучение берез, посоветовал рассмотреть современное распространение и особенности произрастания представителей рода *Betula* L. в контексте их голоценовой истории, предложил исследовать изменчивость берез в направлении от Кольского полуострова до Украины, используя для этого пробные площади, заложенные им ранее в различных регионах. И дал еще много дельных советов, с которыми я окрыленный и утвердившийся в направлении своих научных поисков покинул его кабинет. Работа была успешно выполнена, ее результаты и сейчас не утратили своей актуальности. Спустя десятилетия, по-прежнему испытываю чувство благодарности к Мэтру.

Чуть позже мне довелось участвовать в совместной экспедиции на Припять. Это была своего рода «команда мечты»: В.С. Гельтман, И.Ф. Моисеенко, В.В. Маврищев, Г.В. Вынаев, Д.И. Третьяков. Умудренные жизнью аксакалы и молодые сотрудники с жадной познавательной и самоутверждающей жаждой. В полевых условиях Виктор Степанович чувствовал себя в родной стихии – вместе со всеми преодолевал пойменные чащобы и ста-

рицы, был прост в быту, улыбался, шутил. С интересом слушал наши нескончаемые споры, возникающие, казалось бы, из-за самой малой травинки. Общение с ним было легким и очень полезным. По вечерам часто мы видели его задумчиво сидящим на берегу полноводной тогда Припяти. Наверное, в эти минуты покоя он мысленно был на Волге, реке своей легкой юности.

Несмотря на большую загруженность научной работой, В.С. Гельтман находил время для духовного развития. Его можно было встретить во Дворце искусств на выставках признанных мастеров кисти и представителей молодежного авангарда, в художественном музее, в Купаловском театре. Он хорошо разбирался в живописи, музыке, поэзии. Суждения о творческих работах были глубокими, точными, порою неожиданными. Слушая их и видя неподдельный интерес Виктора Степановича, зачастую произведение воспринималось по-новому. Он увлекал своей любовью к жизни и жаждой жизни...

И вдруг его не стало. В августе 1985 года, вернувшись из очередной экспедиции, я узнал скорбную весть и очень сожалел, что не смог проститься с этим замечательным человеком.

«Та молодежь, что вслед придет за нами, пусть соберется вместе в светлый час нас вспомнить благодарными словами...» – слышится голос В.С. Гельтмана со страниц книги стихов «Лесные просеки».

*В.Ф. Побирušко
кандидат биологических наук
в 1977-1995, 2014-2015 гг. научный сотрудник
Института экспериментальной ботаники
им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси,
в 1996-2013 гг. работник Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь*

УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР, ПОЭТ

Доктор биологических наук, лауреат государственной премии Виктор Степанович Гельтман – талантливый лесовод, биолог, геоботаник известен не только в Беларуси, но и за ее пределами. Научные труды его актуальны и по сей день. Современная научная молодежь, да и частенько старшее поколение, считает его монографию «Географический и типологический анализ лесной растительности Белоруссии» (1982) своей настольной книгой. Виктор Степанович был одним из ведущих геоботаников и лесотипологов республики. Его исследования, посвященные изучению растительного покрова, основам геоботанического картографирования, лесотипологическому районированию вошли в учебные пособия по биологии, экологии и лесоведению. Он также много внимания уделял охране природы и заповедному делу.

Виктор Степанович был учителем с большой буквы для очень многих людей, в том числе и для меня. С большой буквы он был и интеллигентом – сын такой матери и такого отца не мог быть другим. Мама его, Я.В. Мошинская-Гельтман, в 1937 году была арестована и сослана в Казахстан, отец расстрелян, маленький Виктор и его сестра Христина были отправлены в детский дом, но в письмах к сыну мать писала: «Витек, учись! Крепи в себе дух борца с несправедливостью, не позволяй другим эксплуатировать себя!..». Ему так и не суждено было увидеться с мамой, только и остались у него лишь письма с напутствиями. Для Виктора Степановича Гельтмана родители были идеалами во всем, и в отношении к литературе, и к государству, и к коллегам, и к окружающему миру.

Мама его, Я.В. Мошинская-Гельтман, была детской писательницей, переводчицей для польской диаспоры в Беларуси. Обладая знанием многих иностранных языков, в том числе и белорусским, она успешно переводила многие стихотворения Я. Купалы, М. Богдановича и многих других авторов

на польский, русский, белорусский языки. В дальнейшем это послужило поводом ему самому увлечься литературой.

Вспоминаю, как в один из новогодних вечеров, когда можно загадывать желания, сидя на кухне за чашкой чая, я спросил Виктора Степановича, а какое у Вас главное желание на будущее? Ответ несколько для меня был неожиданным: «нужно обязательно найти время, чтобы успешно закончить Книгу о Маме» (он сам с таким чувством это сказал, что я не мог написать слово Мама с маленькой буквы).

Любовь к литературе, стилистике передалась и Виктору Степановичу, поэтому еще в детстве он уже начинал писать стихи, пробовал даже их публиковать в газете. Все решили, что он будет журналистом, но, повзрослев, выбрал профессию работника лесного хозяйства, о чем никогда не пожалел. Лес для него стал большой отдушиной от разных напастей и невзгод, своего рода отдых души под сводом зеленого купола из деревьев.

Более подробно хочется вспомнить о том моральном, духовном воздействии этого человека на всех тех, кто его окружал – сотрудники, коллеги, друзья и просто знакомые люди. Честность, порядочность, искренность этого человека была мерилom для коллег. А самым главным жизненным девизом Виктора Степановича была любовь к Природе, как образцу истинной красоты. Под действием этой силы и я, нередко балующийся стихами, посвящал их ему, так как написаны они были под его воздействием:

*Зеленый лес! Без устали любимый
Родной отец мой, друг мой, брат и врач!
Вовеки мы не будем разделимы,
Пока я жив и чувствами горяч...
Кто без тебя я? Ландыш на безлесье...
Не потому ль ты, как орган во мне,
Чей древний зов, и голоса, и песни
Меня сопровождают в каждом дне?*

*Живи и здравствуй, океан зеленый,
На радость, и здоровье миллионов
Людей, с тобою дружащих весь век!
И нет судьбы завиднее, пожалуй,
Кто жизнь отдаст тебя приумножая...
Тот истинно Прекрасный Человек!*

Виктор Степанович Гельтман прожил сложную, но насыщенную жизнь, полную общественного, научного и творческого труда. Он как отличный ученый и организатор науки, как автор перспективных разработок для процветания белорусской Природы и Отечества в целом, заслужил искреннюю любовь и признание не только в научном мире, но и всех белорусов.

*В.Г. Филистович
в 1968-2003 гг. научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси*

ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ ГЕЛЬТМАН: РУКОВОДИТЕЛЬ И КОЛЛЕГА

Виктор Степанович Гельтман родился в г. Минске 9 октября 1925 г. (позже в документах его годом рождения, как поясняет его сын Дмитрий Викторович, стал 1926 г.) в семье служащего.

Трудовая жизнь Виктора Степановича складывалась непросто. В 1930 г. он с родителями переехал в Москву, а в возрасте 12 лет остался без родителей. С 1937 по 1942 гг. воспитывался в детском доме им. Н.К. Крупской в г. Демидове Смоленской области, там же окончил 8 классов средней школы. После освобождения в 1942 г. оккупированной

немцами территории, где находился детдом, работал в колхозе, затем окончил школу ФЗО в Татарской АССР и до 1947 г. работал токарем судоремонтником, а затем масленщиком на пароходах «Волготанкера».

В 1947 г. вернулся в Минск и поступил на работу на деревообделочный завод слесарем. В 1949 г. с серебряной медалью окончил 10 классов школы рабочей молодежи и поступил на лесохозяйственный факультет белорусского лесотехнического института им. С.М. Кирова, который с отличием окончил в 1954 г. с рекомендацией на научную работу. Ещё будучи студентом, проходившим практику в Березинском заповеднике, он показал себя как настоящий исследователь, ему все было интересно, хотя в то время были свои трудности (жили в конюшне, часто оставались без еды), но это не мешало ему быть оптимистом.

Особое место в творческой биографии В.С. Гельтмана занимала совместная работа с академиком И.Д. Юркевичем, под руководством которого он проходил аспирантскую подготовку с 1954 по 1957 гг. сначала в Минске в Институте леса АН БССР, а затем в Гомеле в Белорусском научно-исследовательском институте лесного хозяйства, а в 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Типы березовых лесов Полесской низменности».

В научной работе В.С. Гельтман всегда стремился не только к решению теоретических вопросов геоботаники и лесоведения, но и к их практическому воплощению в жизнь.

За цикл работ по изучению растительного покрова Беларуси Виктору Степановичу с группой сотрудников в 1972 г. присуждена Государственная премия БССР в области науки.

Виктор Степанович был хорошим руководителем для молодежи. Под его руководством защищены три кандидатские диссертации (И.А. Солонович, В.В. Маврищев, В.Д. Гуцевич).

Являясь заведующим лабораторией фитомониторинга, Виктор Степанович был не только хорошим и грамотным организатором научных исследований, фанатиком своего дела,

но и умел в полевых условиях подбодрить коллег, рассказать что-нибудь веселое, прочесть стихи, которые он сам сочинял.

Сотрудники лаборатории для получения фактического материала ежегодно с мая месяца по октябрь выезжали в экспедиции. Экспедиционные маршруты пролегли по всей Беларуси, как правило, это удаленные от населенных пунктов места. Жить приходилось в палатках, бытовые удобства были скромные, но останавливались всегда в самых красивых уголках Беларуси, на живописных берегах озер и рек. Виктор Степанович, будучи большим любителем рыбной ловли, никогда не оставлял без наваристой ухи на ужин состав экспедиции, а вечером у костра всегда обсуждались проблемы лаборатории, строились планы на будущее.

Эрудированный, много повидавший в своей жизни В.С. Гельтман был прекрасным собеседником, умевшим слушать и сопереживать. Принципиальный и требовательный, но в тоже время добрый и щедрый человек, талантливый ученый, труды которого по сей день востребованы, оставил после себя самые лучшие воспоминания.

*Н.Ф. Ловчий,
доктор биологических наук,
в 1960-2011 гг. научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси*

*С.А. Новик
научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси*

ПАМЯТИ УЧЁНОГО – ВИКТОРА СТЕПАНОВИЧА ГЕЛЬТМАНА

Отец и мать, и сын, и дочь...
А за окном цвела рябина...
Но вскоре наступила ночь,
В тумане спряталась долина.

И вот – сироты – детвора...
Что ищут? Пятый угол дома!
Прошлась суровая метла,
А вслед за ней – работа лома!

Когда разбиты зеркала,
То их осколки разве склеишь?
Неслись жестокие ветра...
От них, продрогнув, посинеешь!

Но если жив, то надо жить
И Виктор смело стал матросом.
Матросу же нельзя тужить,
Коль перекур, то – папиросы...

Учился Виктор не шутя,
Студентом очень был прилежным,
В мечтах в грядущий день летя,
Стал женихом-ученым нежным!

Женился, появился сын,
А сам, конечно, весь – в науке!
Он как достойный гражданин
Ей отдавал и ум, и руки!

Ведь лес его кумиром был,
Весь-весь, от края и до края!
О лесе он и гимн сложил,
Предназначение свершая...

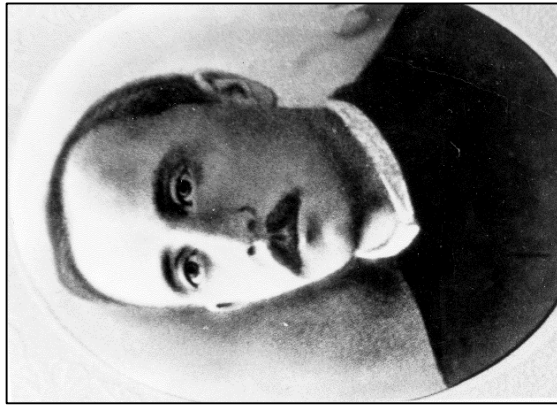
Его повсюду почитали
За свет души, бесценный труд!
Хлебнул полыни он в печали,
Не ждал, что с высей позовут...

Его прощальная рыбалка,
Его последние слова...
Что он ушёл так рано, жалко,
Но сын его там, где Нева!

С ботаникой сын обвенчался
Для продолженья дел отца,
С его заветом не расстался –
Достойна жизнь отца венца!

*Г.Ф. Рыковский
доктор биологических наук,
главный научный сотрудник Инсти-
тута экспериментальной ботаники
им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси*

ФОТОГРАФИИ, АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

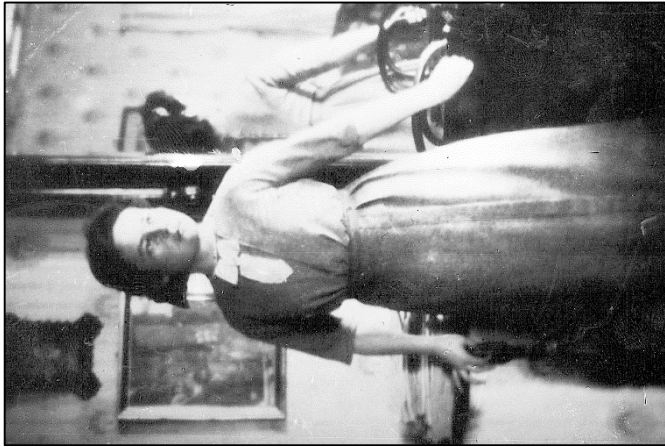

**МАРТИРОЛОГ РАССТРЕЛЯННЫХ
В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ**
Гельтман
Стефан Леонович

Год рождения	1886
Национальность	Полк
Уроженец	(Заностье Люблинской губ. (Польша))
Место проживания	Москва, ул.Новослободская, д.87/89, кв.72
Образование	Высшее
Партийность	член ВКП(б)
Род занятий	заместитель председателя
Арестован	5 апреля 1937 года
Осужден	Военной коллегией Верховного суда СССР
По обвинению в	участии в контрреволюционной организации - Польская организация бойсвова
Приговорен к расстрелу	20 сентября 1937 года
Приговор приведен в исполнение	20 сентября 1937 года
Реабилитирован	31 марта 1958 года, определением Военной коллегии Верховного суда СССР
Место захоронения	Донское кладбище, Молгал1
Место хранения дела	Центральный архив ФСБ России
Номер дела	

С.Л. Гельтман, 1920-е годы.

Сведения об отце из материалов следственного дела
(по данным сайта www.sakhatov-center.ru)

Я. Мошинская. Начало XX в.

Машынская-Гельтман Ядвіга Уладзіславаўна

Нарадзілася 16.07.1886 у мястэчку Глуск Бабруйскага павета Мінскай губерні. Памерла 07.05.1946 у пасёлку Тайпча, Казахстан.

Пазгэса, перакладчыца, педагог. У 1904-1907 гг. вучылася ў Ягелонскім універсітэце (Кракаў). Удзельнічала ў польскім рэвалюцыйным руху - сябра маладзёвай арганізацыі «Спропіа». У тыя ж гады пачала пісаць вершы, з якіх апублікавала толькі адзін у мінскай польскамоўнай газеце «Folksa prawn». У 1917-1918 гг. была членам управы Польскага сацыялістычнага аб'яднання ў Менску.

У 1924-1931 гг. выклдала ў Польскім педтэхнікуме ў Мінску, Камуністычным універсітэце Беларусі. У 1932-1937 гг. - у Вайскавай акадэміі імя М. Фрунзе ў Маскве.

Член Саюза пісьменнікаў Беларусі з 1934 г. Друкавалася ў польскамоўнай газеце «Орка», якая выходзіла ў Мінску. Перакладала на польскую мову творы Я. Купалы, Я. Коласа, З. Бядулі, Ц. Гартнага, А. Александровіча. Аўтар падручнікаў для польскіх школ Беларусі.

Пасля арышту мужа - грамадзкага дзеяча Стэфана Гельтмана - была таксама арыштаваная ў 1937 г. Сасланая ў лягера ў Казахстане.

З 1943 г. там на пасяленні: село Баравое, Багаслоўка, пасёлак Тайпча. Дасылала з высылкі сыну лісты і лірычныя вершы (апублікаваныя ў часопісу «Нёман», 1988, №9). Памерла ў ссылке.

Сведения о матери (по данным сайта
www.gluskonline.net)

С сестрой Христиной. 1930-е годы.

Публикация в газете «Большевицкая вахта». 03.04.1946.

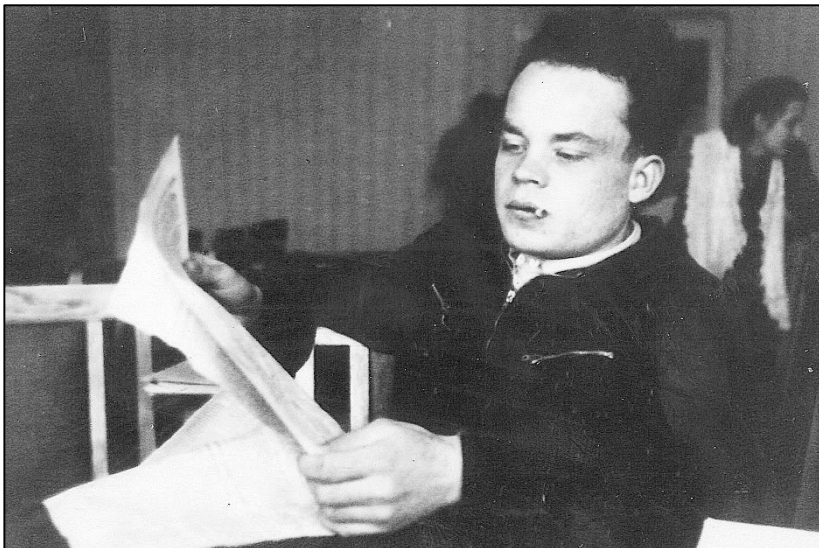
Вечерняя школа. В.С. Гельтман первый справа.
Конец 1940-х годов.

10-й класс вечерней школы.
В.С. Гельтман второй справа в среднем ряду. 1949 год.

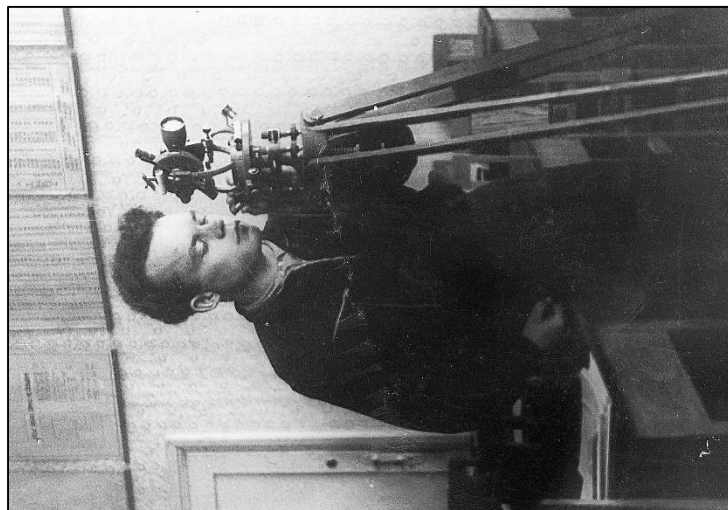
Рабочие деревообделочного завода
(В.С. Гельтман в центре). 1952 год.

Белорусский лесотехнический институт им. С.М. Кирова,
4 курс. 1952 год.

Расчистка улицы Свердлова в Минске.
В.С. Гельтман в первом ряду первый справа. 1952 год.

4 курс БЛИ им. С.М. Кирова. 1952 год.

Студенческие годы. 1950-е годы.

Демонстрация 7 ноября.
В.С. Гельтман второй справа в первом ряду. 1952 год.

Демонстрация 1 мая.
В.С. Гельтман первый слева. 1952 год.

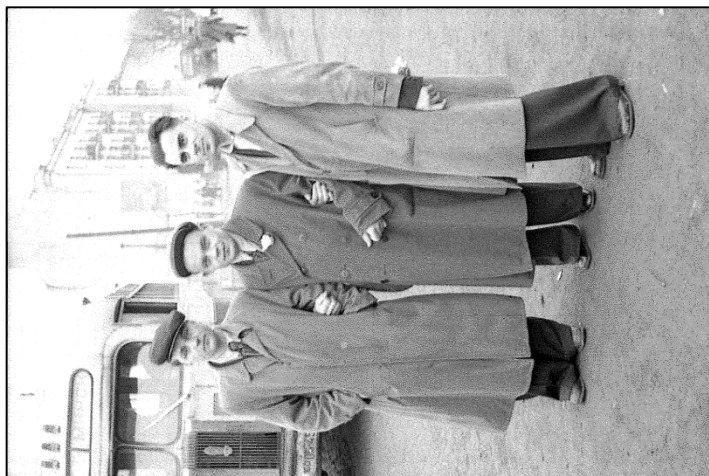
Сбор материала для диплома. 1953 год.

В.С. Гельман. 1953 год.

Военные сборы. 1953 год.

Праздничные дни. В.С. Гельтман в центре.
1950-е годы.

В.С. Гельтман. 1953 год.

В экспедициях. Середина 1950-х годов.

В экспедициях. Конец 1950-х годов.

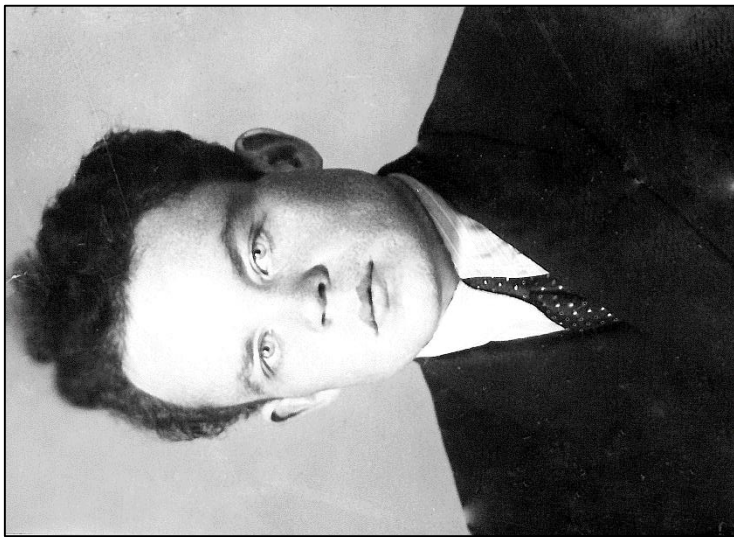
Уручье, окраина г. Минска. Середина 1950-х годов.

В зарослях орляка. Конец 1950-х годов.

Исследование сероольшанников. 1957 год.

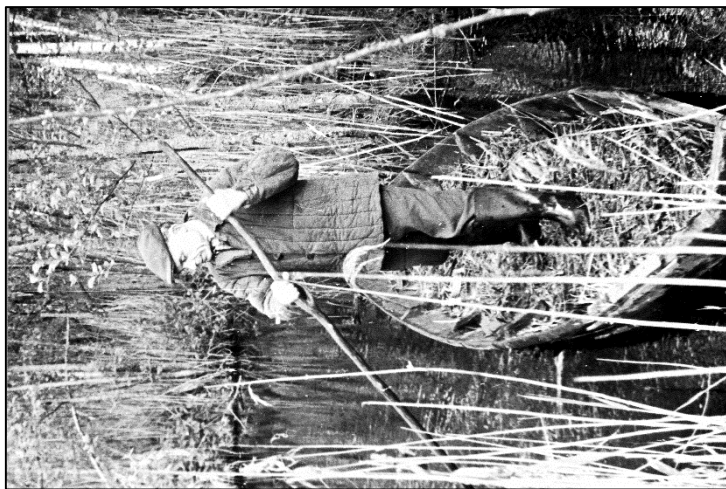
В.С. Гельтман. 1957 год.

В полевой экспедиции под руководством И.Д. Юркевича.
В.С. Гельтман второй справа. Конец 1950-х годов.

Совещание по болотной растительности
(В.С. Гельтман третий справа). 1958 год.

В.С. Гельтман. Конец 1950-х годов.

В.С. Гельтман и В.А. Славинский. 1960-е годы.

В.С. Гельтман на прогулке с сыном Дмитрием и племянницами Лидией и Натальей. 1960-е годы.

На демонстрации 1 мая с сыном Дмитрием, и коллегами:
Л.П. Смоляком, А.В. Бойко, П.Я. Петровским и Д.С. Голодом.
Середина 1960-х годы.

В гостях у Л. Крушева на Жорновской ЛОС.
Середина 1960-х годов.

С сыном Дмитрием и К. Вашкевичем. 1960-е годы.

ЛАБОРАТОРИЯ ГЕОБОТАНИКИ

Н.А. БУРТСЕВА —
ст. научный сотрудник,
каб. высшей школы

П.Ф. ДВОРНИК —
старший научный сотрудник,
каб. высшей школы

В.С. ГЕЛЪТМАН —
зам. зав. лабораторией, ст.
науч. сотрудник, канд. биол. наук

М.И. ЮРКЕВИЧ —
директор,
зам. проректора по науч. работе, канд. биол. наук

Е.Л. КРУТКОВА —
ст. науч. сотрудник,
каб. высшей школы

Д.С. ГОЛОД —
стар. науч. сотрудник,
каб. высшей школы

В.С. АЛЕХИХ —
ст. научный сотрудник,
каб. высшей школы

Л.З. ЛЮБИМОВ —
мл. научный сотрудник

З.И. ФРОЛОВА —
ст. научный сотрудник,
каб. высшей школы

Е.И. КОЗАК —
ст. лаборант

В.И. ЗЫМАНТОВИЧ —
лаборант

В.А. ГРИНИВИЧ —
инженер

М.С. СВАНКЕВИЧ —
инженер

Е.Т. БУЗКО —
мл. научный сотрудник

С.П. ЩЕРБАК —
мл. научный сотрудник

Н.И. ПЕСТУНОВ —
аспирант

К.В. НУЗИС —
лаборант

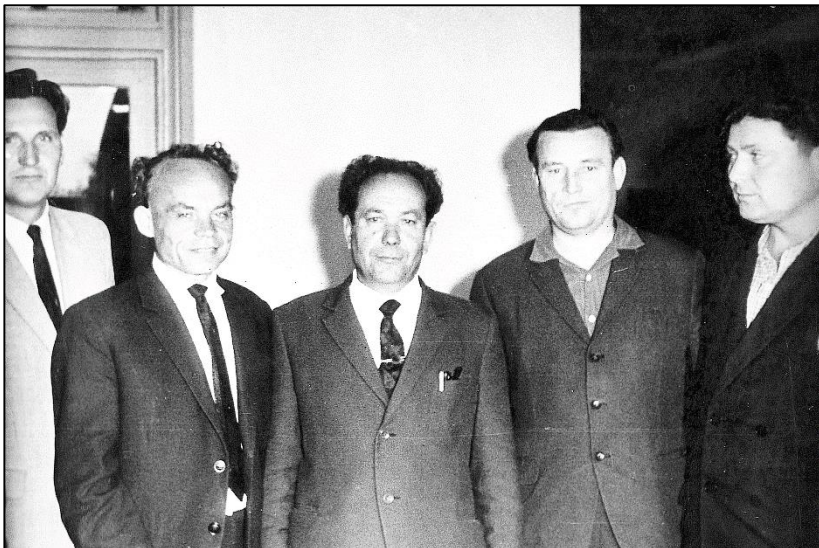

Г.В. ДОРОШЕНКО —
лаборант

Б.Н. БАЙДАРШИН —
ст. лаборант

Лаборатория геоботаники. 1960-е годы.

В центре – В.С. Гельтман, Н.В. Шкутко, Н.Ф. Ловчий.
1960 е годы.

Научная экспедиция лаборатории геоботаники. 1962 год.

В экспедиции. 1962 год.

Филиал заповедника Беловежская пуца. 1962 год.

В.С. Гельтман и И.Д. Юркевич на III съезде ВБО.
Экскурсия в Линдуловскую рощу. 1963 год.

У Осиповичского водохранилища. 1964 год.

В.С. Гельтман и В.И. Парфенов
на Припяти. 1965 год.

На защите кандидатской диссертации Д.С. Голода. 1966 год.

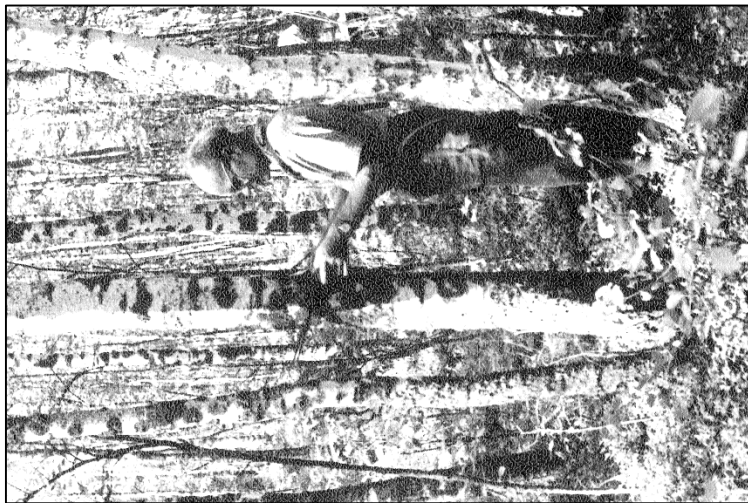
И.Д. Юркевич, Е.Г. Петров, В.С. Гельтман,
В.С. Адериho в научной экспедиции
по изучению болотных лесов
Березинского заповедника. 1968 год.

В Березинском заповеднике. 1969 год.

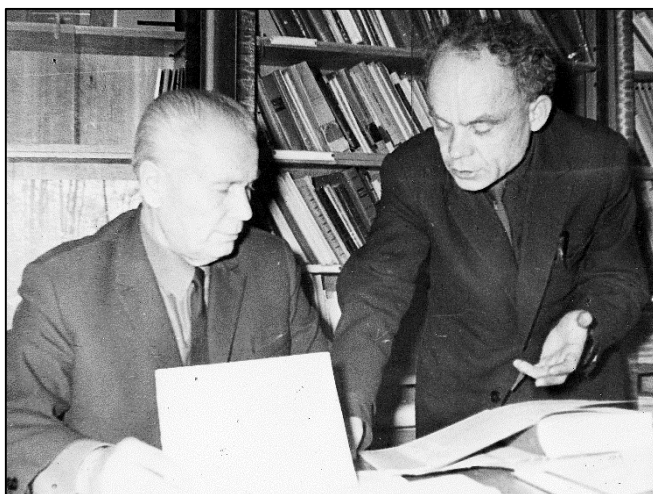
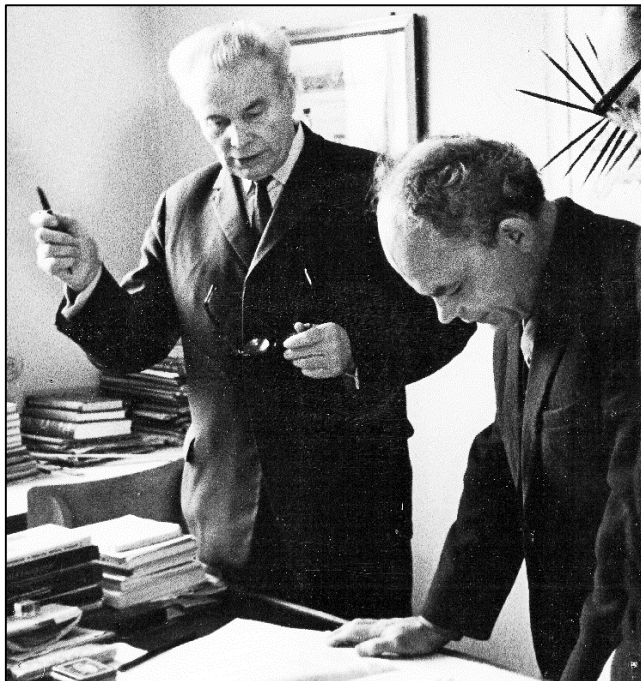
В.С. Гельтман. 1960-е годы.

В.С. Гельтман. Конец 1960-х годов.

В.С. Гельтман (первый слева) среди сотрудников лаборатории геоботаники. 1972 год.

Работа над картой растительности
с И.Д. Юркевичем. 1970-е годы.

Среди сотрудников лаборатории геоботаники и коллег. 1977 год.

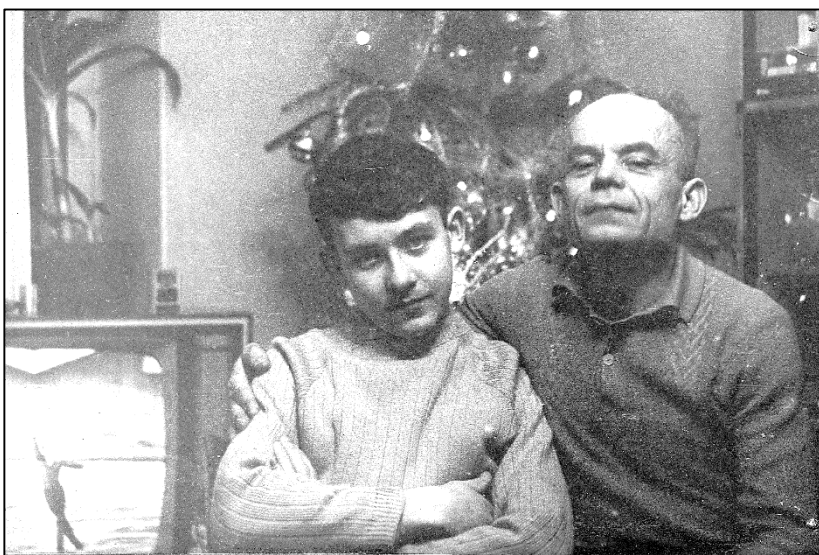
Л.П. Рысин, С.А. Дыренков и В.С. Гельтман
в Березинском заповеднике. Начало 1970-х годов.

В Березинском заповеднике.
Второй справа В.С. Гельтман. 1975 год.

С женой Н.И. Чекалинской
и сыном Дмитрием. 1970-е годы.

С сыном Дмитрием. 1972 год.

Камчатка, 1973 год.

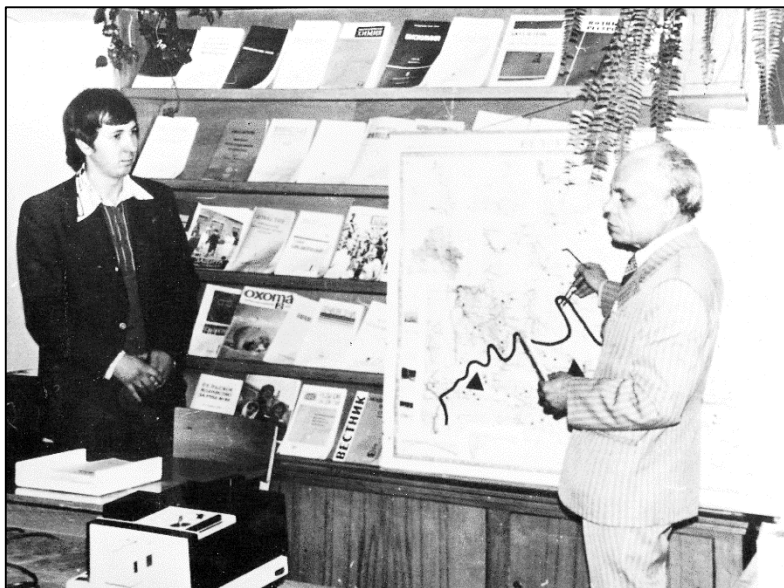
На охоте с М.С. Долбиком 1970-е годы.

На демонстрации с сыном Дмитрием и В.И. Парфеновым.
1970-е годы.

На демонстрации с сыном Дмитрием, В.И. Парфеновым,
Д.С. Голодом и И.А. Кауровым. 1970-е годы.

Г.В. Вынаев и В.С. Гельтман. Середина 1970-х год.

Первое лесостроительное совещание. Конец 1970-х годов.

С сотрудниками лаборатории продуктивности и водного режима фитоценозов. 1977 год.

Справа налево стоят А.Д. Майснер, Е.Г. Петров,
П.И. Лобанок, А.И. Русаленко, В.С. Гельтман;
сидят – В.В. Маврищев, И.Ф. Моисеенко. 1978 год.

С сотрудниками лаборатории. 1979 год.

С сотрудниками лаборатории продуктивности и водного режима фитоценозов. 1979 год.

В Кавказских горах. 1982 год.

В.С. Гельтман. 1980-е годы.

В.С. Гельтман с С.Р. Бусько. Ялта, 1980 год.

Лесоустроительное совещание. 1982 год.

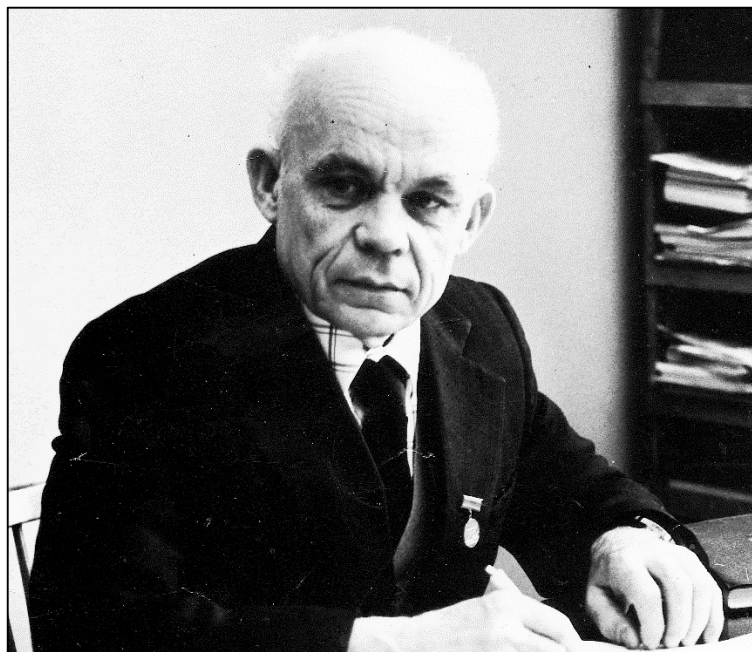
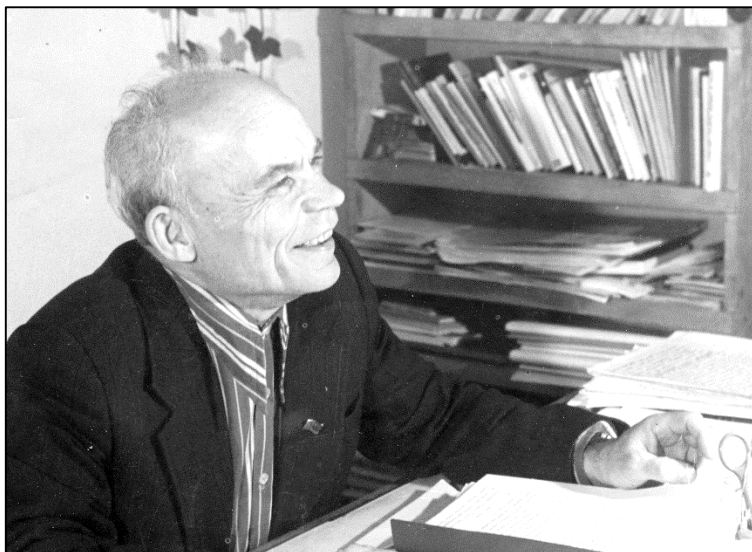
В студии передачи «Природа и мы».
В.С. Гельтман третий слева. 1980-е годы.

Выпускники 1954 г. спустя 30 лет с ректором Белорусского технологического института им. С.М. Кирова В.С. Романовым. В.С. Гельтман в первом ряду в правой второй справа. 1984 год.

На р. Уборть. 1985 год.

В.С. Гельтман. 1980-е годы.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И СОСТАВИТЕЛЯХ

Вознячук Николай Леонидович, научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Гельтман Дмитрий Викторович, доктор биологических наук, вр.и.о. директора Ботанического института им. В.Л. Комарова Российской Академии наук

Груммо Дмитрий Геннадьевич, кандидат биологических наук, заместитель директора по научной и инновационной работе Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси

Зеленкевич Наталья Алексеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Кудин Михаил Васильевич, кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Ловчий Николай Федорович, доктор биологических наук, в 1960-2011 гг. научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Мойсейчик Екатерина Владимировна, младший научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Новик Светлана Анатольевна, научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Парфенов Виктор Иванович, академик, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, заведующий лабораторией флоры и систематики растений, почетный директор Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Побирушко Валерий Фомич, кандидат биологических наук, в 1977-1995, 2014-2015 гг. научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси, в 1996-2013 гг. работник Министерства лесного хозяйства Республики Беларусь.

Пучило Анатолий Викентьевич, кандидат биологических наук, заведующий лабораторией геоботаники и картографии растительности Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Романова Марина Львовна, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Романова Татьяна Александровна, доктор биологических наук, профессор, в 1958-2012 гг. научный сотрудник Института почвоведения и агрохимии НАН Беларуси.

Рыковский Геннадий Феодосьевич, доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Филистович В.Г., в 1968-2003 гг. научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси

Шустова Светлана Юрьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси.

Использованы фотографии из архивов Д.В. Гельтмана, С.Р. Бусько, Н.Ф. Ловчего, В.Д. Гуцевича, В.Г. Филистовича, В.А. Степук, Р.В. Цвирко, а также фондовые материалы лаборатории геоботаники и картографии растительности ГНУ «Институт экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича Национальной академии наук Беларуси».

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	4
Основные даты жизни и деятельности В.С. Гельтмана...	5
Краткий очерк жизненного пути и научной деятельности.....	7
ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕГ И СОВРЕМЕННИКОВ.....	13
Сын про отца (<i>Д.В. Гельтман</i>).....	14
Теоретик лесной геоботаники и геоботанического картографирования (<i>В.И. Парфенов</i>).....	31
Гельтман Виктор Степанович и его роль в становлении лаборатории геоботаники и картографии растительности (<i>А.В. Пучило</i>).....	35
Настоящий ученый и замечательный человек (<i>М.В. Кудин</i>).....	40
Благоговение перед жизнью (<i>Т.А. Романова</i>).....	51
Вспоминая о Викторе Степановиче Гельтмане (<i>М.Л. Романова</i>).....	54
С любовью к жизни (<i>В.Ф. Побирušко</i>).....	61
Ученый, организатор, поэт (<i>В.Г. Филистович</i>).....	64
Виктор Степанович Гельтман: руководитель и коллега (<i>Н.Ф. Ловчий, С.А. Новик</i>).....	66
Памяти учёного –Виктора Степановича Гельтмана (<i>Г.Ф. Рыковский</i>).....	69
ФОТОГРАФИИ, АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.....	70
Краткие сведения об авторах и составителях.....	115

Научно-популярное издание

**Виктор Степанович
ГЕЛЬТМАН**

Воспоминания современников

Ответственный за выпуск: *Е.С. Патей*
Научные редакторы: *В.И. Парфенов, Д.В. Гельтман*
Художественный редактор: *Н.А. Зеленкевич*
Компьютерная верстка: *С.А. Новик*

Подписано в печать 05.10.2016. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Cambria. Печать цифровая. Усл.печ.л. 6.9 Уч.изд.л. 7.1
Тираж 100 экз. Заказ № 8954

Выпущено по заказу
ГНУ «Институт экспериментальной ботаники
им. В.Ф. Купревича НАН Беларуси»

Издатель и полиграфическое исполнение:
Частное производственно-торговое унитарное предприятие
«Колорград»

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/471 от 28.07.2015.

Пер. Велосипедный, 5-904, 220033, г. Минск,
www.сегмент.бел

